Я был воздушным стрелком

Георгий Афанасьевич Литвин

SHOUT
SHARE
IT

- Литвин Георгий Афанасьевич
  - ○

Литвин Георгий Афанасьевич
Я был воздушным стрелком

Литвин Георгий Афанасьевич
Я был воздушным стрелком

Аннотация издательства: Автор, капитан в отставке, военный переводчик, в годы Великой Отечественной войны - воздушный стрелок, в составе 43-го гвардейского штурмового авиаполка освобождавший Керчь и Севастополь, рассказывает о своем боевом пути, друзьях-однополчанах, с честью выдержавших воздушные схватки с врагом, размышляет о причинах тяжких потерь в авиации в первые месяцы войны. В книге использованы немецкие архивные документы, отрывки из книг гитлеровских военачальников, свидетельствующие об упорной и напряженной борьбе в крымском небе в 1943 - 1944 годах. Для широкого круга читателей.

С о д е р ж а н и е

Об авторе
Разбуженная память
"Война... страшнее нету слова..."
От мифов - к реальности
Так я стал воздушным стрелком
Мои друзья-однополчане
Две победы над Эльтигеном
Над Керчью свинцовые тучи
ЧП полкового масштаба
Севастополь - наш!
Вместо послесловия

Об авторе

В Керченском историко-археологическом музее, на одном из стендов экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне,- снимки авиаторов 230-й Кубанской Краснознаменной авиадивизии.

Экскурсовод, останавливаясь у стенда, рассказывает, как мужественно и смело воевали летчики в крымском небе.

- Обратите внимание на это фото: здесь запечатлены летчик Герой Советского Союза Тамерлан Ишмухамедов и воздушный стрелок кавалер орденов Славы Георгий Литвин, сбивший в небе над Эльтигеном два фашистских истребителя. А всего на его счету четыре вражеские машины... Молодое, улыбчивое лицо... Георгию Литвину было тогда 23 года.

Третий истребитель он сбил 7 мая 1944 года под

Севастополем во время штурма Сапун-горы, проявив при этом не только высокое профессиональное мастерство, но и смелость, находчивость.

На службу в армию его призвали из Харьковского авиационного института. Окончив школу младших авиаспециалистов, Георгий Литвин получил назначение в истребительный полк механиком по вооружению. Позже, когда воевал в составе 43-го гвардейского штурмового авиаполка, стал воздушным стрелком.

Со времен войны хранит Георгий Афанасьевич дорогие реликвии: документы, фотографии, вырезки из фронтовых газет. Среди них брошюра "Четыре победы", изданная редакцией армейской газеты. Литвин - ее автор. В ней он, в частности, рассказывает, как сбил четвертый истребитель шрага.

Всего Георгий Афанасьевич совершил 57 боевых вылетов на штурмовике Ил-2. Осенью 1944 года по приказу командования он был откомандирован на учебу. Затем продолжал службу военным переводчиком.

И сейчас, несмотря на годы, он полон сил и энергии. Работая в Художественном фонде РСФСР, Г. А. Литвин немало сделал для увековечения памяти воинов, геройски павших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. При его активном участии в городе-герое Керчи сооружен памятник погибшим авиаторам. Много времени уделяет работе в архивах страны и за рубежом, ведет поиск новых документов, которые позволят лучше узнать героические и трагические события Великой Отечественной.

За большую военно-патриотическую работу он награжден Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны.

Разбуженная память

В мою память запала статья журналиста Дмитрия Новоплянского "Записка из 1943 года", напечатанная в газете "Правда" 25 ноября 1974 года. В ней шла речь о четырех исписанных тетрадных листах, вложенных в металлическую табакерку, которую подобрал в войну на истерзанной боями крымской земле солдат Дмитрий Аксентьевич Гажва. Он много лет хранил их, стараясь узнать о дальнейшей судьбе автора этой записки, летчика, который был сбит, попал в плен к немцам.

Вот эта записка, которая хранится сейчас в музее села Стецовка Чигиринского района Черкасской области:

"Дорогой товарищ! По мне полк уже, наверное, справил панихиду. А я еще совсем живой и даже свободный. Когда сбили меня, я не разбился, а вывел машину из штопора и сел на пузо, крепко стукнулся головой о прицел, без памяти взяли меня фашисты. Когда пришел в память, не было у меня ни пистолета,

ни летной книжки. Сняли меня возле разбитой машины, причем так, чтобы за моей спиной на фюзеляже были видны все звездочки. Я им от злости сказал, что они все мои, чтобы они быстрей прикончили. А они, сволочи, радовались, называли меня гросс-асом, связались со своим начальством, и то приказало отправить меня живым экспонатом на их трофейную выставку в Берлин. Все допытывались про нашу технику, а я им ни слова про это, только матом все крою, гнидами называю... Ночью посадили в легковушку и повезли. Сопровождал офицер и говорил, что в Берлине мне все равно язык развяжут. Я думал, что туда они меня ни за что не довезут, что если повезут самолетом, то выпрыгну из него, а если по морю, так брошусь в воду. А теперь, когда на свободе, опять жить хочется. Спасли меня крымские партизаны, их здесь в Крыму много. И документы мои забрали у убитого конвоира, вернули мне. Только уйти далеко от места не успели, как началась облава. Меня трое затянули хромого в воронку и прикрыли кураем. Обещали прийти за мной, когда утихомирится, чтобы так ждал. Видно, побили тех трех, потому что второй день их нет. Сам буду ночью лезть, только фашисты кругом ходят. Хоть одного еще уложу, хоть руками... А попал к партизанам - и у немцев не все наши враги, есть и наши друзья. Фриц Мутер или Мюнтер передал партизанам, как и когда меня повезут. Вот как. Фамилию партизан знаю одну - Удальцов Степан, моряк-севастополец, остальные Гриша и Федор тоже, наверное, моряки. Если уцелеют до конца войны, найдите их, и если их не наградит правительство, так повесьте им мои ордена. Отчаянно они действуют, даже не то, что мы, хоть и летчики. Партбилет мой целый. Планшет у моего механика Коли М. Там партбилет, пусть заберет парторг. Моим на Урал пошлите письмо, что я не так просто погиб...

Еще день прошел, и я живой. Правильно немцев бьете, всю ночь бомбы сыпали, не знаю, как меня не задели. Крепко думаю за того немца, который наш. Скажу вам, чтоб знали про него, что мне сказали партизаны. Он подпольный немецкий коммунист. Вроде и еще есть такие между их солдат. Когда победите, вам партизаны про них скажут. А мы ж думали так, что все немцы нам враги. Правильно говорил замполит, что враги не немцы, а фашисты. Так, выходит, и есть. Вы фамилию у партизан узнайте, чтобы найти и поблагодарить.

Мои пусть не плачут, скажите, что не один ведь я погибаю за наше правое дело, за нашу Советскую власть и коммунизм... Спорного фрица, которого сбил с С. Б. над Керчью, причислите всего ему, пусть ему накрасят звездочку, чего тут делить пополам. Он сбил, а не я. И Миша С. пусть на меня не дуется за такую

жадность. Вольфсона предупредите еще раз насчет спецслужбистов, барахлил у меня высотомер. А Ваське Подольскому за пушки спасибо, стреляли, как часы. Эх, хоть бы раз еще так пострелять. Вот и все. Прощайте. Спойте мою любимую про варяга. Обнимаю всех. А кто передаст вам это, отдайте ему мою новую форму, все, что причитается за прошлый месяц и премию за последние 100 безаварийных, пусть там начфин не крутит - доверяю расписаться за них своему механику. Вот и все. Прощайте. И еще крепче бейте врагов. Да здравствует советский Крым".

Это записка советского летчика, оказавшегося почти в безвыходном положении. Записка - отчет. Записка - исповедь. В ней боль и ненависть. Стремление жить и бороться. Благодарность партизанам и немцу-коммунисту, своим товарищам. Он, докладывая командованию, что с ним произошло, сохраняет "военную тайну": не называет номер полка, зашифровывает фамилии летчиков, скрывает, где находится аэродром.

Новоплянский установил, что это был летчик 790-го истребительного полка Павел Константинович Бабайлов, который 21 ноября 1943 года на ЛАГГ-3 в паре с ведомым вылетел с аэродрома у станицы Фанталовской на Тамани для выполнения задания по разведке в район северо-западнее Керчи. На свой аэродром не вернулся...

Ночью 23 ноября, он, собрав силы, вылез из воронки. Прислушался к редким выстрелам. Пополз на север - к берегу Азовского моря. Там на берегу заметил лодку, из которой вышли два немецких солдата. Выждал, пока они ушли, спустил лодку и поплыл на восток, стараясь держаться от берега подальше. Так он переплыл линию фронта и 24 ноября 1943 года возвратился в свою часть.

Прочитав статью, я вспомнил об этом чудесном спасении. О нем я и мои однополчане слышали еще тогда, когда сражались вместе с Бабайловым в небе Крыма. Наши аэродромы были рядом, и мы нередко встречались.

В газете 4-й воздушной армии "Крылья Советов" от 20 августа 1944 года была опубликована заметка "Боевой счет воинов-героев". Первым в этом списке стоял гвардии старший лейтенант Павел Бабайлов, который лично сбил 27 и в группе с товарищами - четыре самолета противника. (Последней в этом списке, тринадцатой по счету, стояла моя фамилия. Там было сказано, что воздушный стрелок Литвин сбил четыре немецких истребителя).

Недавно, работая в военном архиве Народной армии ГДР,

просматривал дневник боевых действий 17-й армии противника, действовавшей тогда в Крыму. А вдруг удастся найти документальные следы этой истории? Нет, пока не удалось. Но там я обнаружил много донесений о действиях партизан, о том, что гитлеровцы применяли против них даже наши трофейные советские самолеты. Привлекли мое внимание сведения, что вместе с партизанами в тылу врага в то время действовали и немцы, заброшенные нами на парашютах. Это были представители так называемого национального комитета "Свободная Германия", руководящего органа движения патриотов-антифашистов, созданного по инициативе ЦК Коммунистической партии Германии в июле 1943 года на территории нашей страны. Он включал в себя представителей различных политических убеждений из прогрессивной немецкой эмиграции и немецких военнопленных. Президентом этого комитета был поэт-коммунист Э. Вайнерт. В его составе были Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и другие видные политические деятели Германии. Национальный комитет издавал газету, вел антифашистскую пропаганду через радиостанцию "Свободная Германия", направлял на различные участки советско-германского фронта группы немецких пропагандистов, которые (с помощью громкоговорящих установок, листовок) разъясняли солдатам вермахта цели комитета, доказывали бесперспективность дальнейшего продолжения Германией войны. Наиболее испытанные бойцы против нацизма забрасывались в фашистский тыл. Вполне вероятно, что тот немец, о котором писал Павел в своей записке, был из их числа.

Сорок пять лет прошло с того памятного и долгожданного дня - Дня Победы. Многое забывается, но никогда не уйдут из памяти образы наших боевых товарищей, навечно оставшихся молодыми. Таких, как Павел Бабайлов. 14 октября 1944 года при возвращении с боевого задания его самолет попал в зону зенитного огня противника и загорелся. Летчик сумел дотянуть горящую машину до своей территории, но при посадке потерял сознание, и самолет врезался в землю.

Приказом министра обороны СССР от 5 января 1946 года Герой Советского Союза командир авиаэскадрильи 163-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии капитан Павел Константинович Бабайлов был навечно зачислен в списки части. Эта прекрасная традиция - зачисление навечно в строй отдавших жизнь Отчизне - родилась в России в прошлом веке.

Первый такой известный историкам факт произошел на Черноморском флоте 14 мая 1829 года. Бриг "Меркурий" под командованием капитан-лейтенанта А. Казарского во время

войны с Турцией одержал блестящую победу в бою с двумя линейными кораблями у пролива Босфор. Против 18-пушечного "Меркурия" турецкие линкоры имели 184 орудия. Несмотря на такое превосходство противника, русские моряки, искусно маневрируя и ведя меткий артогонь, заставили его ретироваться. Навечно в состав Черноморского флота был зачислен экипаж этого героического военного судна.

И сегодня черноморцы бережно хранят память о героическом экипаже. Водные просторы бороздят тральщик "Казарский" и гидрографическое судно "Память "Меркурия".

Может быть, увековечено и имя летчика Павла Бабайлова?

У бывалых воинов глаза влажнеют и голос дрожит при воспоминании о былом. Это сердечная боль от пережитого и память о тех, кто не вернулся.

Мы, фронтовики, верили и знали, что судьба Родины в наших руках. Да, война была трагичнейшим периодом в жизни страны. Мы прошли трудный и сложный путь, были ошибки и поражения. К сожалению, не все понимают в наше бурное, перестроечное время, что огульная критика - признак бессилия, и она бесплодна, если не опирается на факты. Нельзя искажать историческую правду и умалять великий подвиг народов нашей страны, ибо тогда, в мае 1945 года, все знали, что победе над фашизмом они прежде всего обязаны советскому солдату. Какова же истинная цена победы, еще предстоит выяснить.

Мой немецкий друг Ион фон Витцлебен (племянник генерал-фельдмаршала Э. фон Витцлебена - одного из организаторов и руководителей заговора и покушения на Гитлера в июле 1944 года), который и сам был приговорен фашистским судом к смертной казни "за измену фатерланду", чудом избежавший этой участи, говорил мне еще в 1951 году:

- Нельзя оглуплять противника, как это делают некоторые ваши писатели и мемуаристы. Поступая так, они тем самым принижают подвиг советского народа, Красной Армии. Я выходец из семьи потомственных военных, с детства приучали меня к военному делу. Окончив академию генштаба, был назначен на должность замначальника оперативного отдела пехотной дивизии. Ваши же офицеры и генералы назначались после окончания военных академий, как правило, в штабы армий и фронтов. А ведь для постижения военной науки требуется время, необходима практика. Это чудо, что, в конечном итоге, выросли такие талантливые полководцы и офицерские кадры и Красная Армия разгромила сильнейшую армию Европы. Правда, ценой огромных жертв...

Когда в июне 1989 года, находясь у него в гостях, я напомнил

ему об этом нашем разговоре, он сказал:

- Я и сейчас повторю то же. В работах, касающихся событий Великой Отечественной войны, необходимо прежде всего опираться на подлинные архивные документы. Мемуарную же литературу можно использовать только как подспорье, и то желательно для розыска подлинных документов...

Постараюсь воспользоваться этим советом моего друга - полковника в отставке Народной армии ГДР, историка, занимающегося вопросами второй мировой войны. Я тоже за документальную прозу, которую произвела сама история, полная таких неожиданных материалов, каких не выдумает и самый искусный фантаст.

Отдаю на суд читателя мои скромные записки о тех суровых днях боев за освобождение Крыма от фашистских захватчиков. Посвящаю их памяти своих боевых товарищей-однополчан.

"Война.. страшнее нету слова..."

Первого сентября 1939 года я впервые переступил порог Харьковского авиационного института.

Все казалось необычным студенту первого курса. Но уже во время перерыва по радио передавалось сообщение, что Германия напала на Польшу, немецкая авиация бомбит Варшаву. Сердце тревожно забилось: война! На следующий день из газет стало известно, что Верховный Совет СССР принял новый закон о всеобщей воинской обязанности. А еще через день, 3 сентября, Англия и Франция объявили войну Германии. Так началась вторая мировая война.

Затем 17 сентября было объявлено о походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, а 30 ноября началась советско-финляндская война. 12 марта 1940 года был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Вскоре возвратились студенты-добровольцы, побывавшие на фронте, и они рассказывали, что наши войска понесли большие потери, было много неувязок, некоторая военная техника устарела, в том числе и авиационная.

Конечно, мы знали об успехах нашей авиации в предвоенные годы, знали, что в стране немало делается по развитию авиационной промышленности. Знали, что наши летчики сражались в небе Испании, Китая, Монголии. Поэтому невеселые вести были для нас неожиданными.

А тем временем на Западе продолжалась "странная" война: Англия и Франция проявляли пассивность на фронтах, а немцы, казалось, тоже чего-то выжидали. Вскоре последовали ошеломляющие сообщения о разгроме англичан под Дюнкерком, капитуляции Франции, оккупации Дании, других стран Европы...

Немцы упивались успехами молниеносных побед. Куда пойдут они дальше? Страшные предчувствия овладевали нами. У каждого на устах было крылатое выражение руководителя немецких коммунистов Эрнста Тельмана: "Гитлер - это война!"

В нашем институте появились представители Военно-Воздушных Сил. Студентам старших курсов предложили перейти на учебу в военно-учебные заведения.

В октябре 1940 года со второго курса Харьковского авиационного института я был призван в ряды Красной Армии, в авиацию.

Из Харькова на восток отправился воинский эшелон. Мы ехали на Дальний Восток две недели и впервые воочию убедились, насколько "широка страна моя родная". Проехали Урал, Сибирь, переехали могучий Амур. В Ворошилов-Уссурийске пересели в другой поезд и вскоре на одной из железнодорожных станций уже выгружались из вагонов. Пошли строем. Через полчаса впереди показалось небольшое село, на окраине которого виднелся военный городок. Там и размещалась наша ШМАС - школа младших авиаспециалистов.

В школе было три учебные роты. Рота состояла из трех взводов, каждый взвод также считался и учебной группой. В учебной группе, куда меня распределили, часть курсантов имела высшее образование, а остальные бывшие студенты различных вузов, в основном 2 - 3 курсов. Во второй группе учились курсанты, имеющие среднее образование, в третьей - с образованием 7 - 9 классов. В нашей учебной роте готовили младших авиаспециалистов мастеров по авиационному вооружению, во второй - авиамотористов, в третьей - прибористов.

Через некоторое время курсанты приняли присягу и получили винтовки.

Срок подготовки был определен всего в полгода. За это время курсанты школы получили основные знания, которые необходимо было углублять на практической работе в частях. Они также хорошо овладели оружием пехоты: пистолетом, автоматом, пулеметом и гранатой, обучались рукопашному бою. Все курсанты ходили на лыжах. Многие стали спортсменами-разрядниками.

Подготовка авиационных специалистов требовала много времени, но командование школы не в ущерб главному, использовало все возможности для того, чтобы мы могли стать и общевойсковыми младшими командирами.

В начале мая 1941 года нам вручили удостоверения об окончании школы, присвоили звания сержантов. Разъехавшись по

разным гарнизонам, бывшие курсанты не раз вспоминали добрым словом своих преподавателей и командиров. Они, работая с нами, отдавали все свои силы и знания.

Я был направлен в качестве мастера по авиавооружению для прохождения дальнейшей службы в 40-й истребительный авиационный полк, который базировался в Приморье.

Полк имел на вооружении самолеты И-16 с двумя пушками ШВАК калибра 20 мм и двумя пулеметами ШКАСС калибра 7,62 мм, а также эресы (реактивные снаряды). В то время это было секретное оружие, которое впервые наши летчики применили в воздушных боях на Халхин-Голе.

Еще недавно в полку служили летчики, воевавшие в Испании, Китае, у озера Хасан и в Монголии. Большинство из них в апреле - мае 1941 года были срочно направлены в западные военные округа.

Здесь, на Дальнем Востоке, учебные полеты проводились днем и ночью, передавался боевой опыт молодым пилотам, изучалась тактика нашей авиации и авиации противника, особенно японцев.

Служба на неспокойной дальневосточной границе была трудной. Одиночные японские самолеты неоднократно нарушали границу, нагло пролетали над нашими аэродромами. В полку постоянно дежурило звено истребителей, которое в таких случаях немедленно вылетало, но нарушитель обычно уходил на территорию Маньчжурии, а перелетать границу нам не разрешалось. Командованием полка организовывались также засады одиночных истребителей вблизи границы.

В конце мая 1941 года наша эскадрилья перебазировалась в летние лагеря на полевой аэродром.

Примерно за две недели до начала войны наблюдательные посты сообщили на командный пункт, что вдоль реки Суйфун в направлении Николоуссурийска летит нарушитель границы. Дежурный летчик Михаил Кондик вылетел на перехват и попытался предупредительным огнем принудить двухмоторный самолет произвести посадку, но японец старался уйти. Тогда Кондик дал две очереди по моторам. Летчик был вынужден посадить самолет. На его борту находилась группа офицеров, которые через переводчика объяснили, что они вылетели из Харбина инспектировать укрепрайоны Квантунской армии, но экипаж, мол, потерял ориентировку и случайно нарушил границу. Инцидент был вскоре урегулирован.

13 июня 1941 года в газетах мы читали заявление ТАСС, в котором было выражено отношение к распространявшимся слухам о войне. Все вымыслы о якобы предъявляемых Германией

территориальных требованиях объявлялись ложными. Там же говорилось, что Германия соблюдает условия пакта о ненападении и что слухи о ее намерении совершить агрессию против СССР лишены всякой почвы.

Это заявление нами воспринималось в то тревожное время как предупреждение о нависшей опасности. Но мы бодро напевали "все выше и выше стремим мы полет наших птиц", ибо искренне верили, что "Красная Армия всех сильней".

В воскресенье 22 июня 1941 года полетов не планировалось. Летчики отдыхали, занимались спортом, купались в речке. Так как разница во времени с Москвой равнялась 7 часам, то мы узнали о нападении фашистских войск лишь вечером, из сообщений Московского радио.

Состоялся митинг. Выступающие гневно клеймили зарвавшегося агрессора, выражали уверенность в скором разгроме врага, изъявляли желание немедленно отправиться на фронт.

В последующие дни мы жадно ловили последние известия, сводки с фронтов. Многие догадывались, что дела на фронтах идут не так, как мы предполагали раньше, но ждали все же хороших известий. С началом войны японцы приутихли, но большинство воинов-дальневосточников было уверено, что схватки с ними не миновать.

В полку продолжалась напряженная учеба. После выступления И. В. Сталина 3 июля, в тот же день было приказано срочно перегнать самолеты на другой аэродром, рядом с железнодорожной станцией: наш полк в полном составе направлялся на запад, в действующую армию. Быстро разобрали самолеты, упаковали их в самолетные ящики и погрузили в эшелоны.

Застучали по рельсам колеса теплушек и платформ. В вагонах с двухъярусными нарами разместились летчики, техники, весь обслуживающий персонал.

В Балашове разгрузились, собрали самолеты и перелетели в Донбасс. Там полк был разделен на два полка: 40-й и 446-й истребительные.

В составе 446-го истребительного полка мне пришлось пройти боевой путь с августа 1941 года вплоть до его расформирования в начале 1943 года. Это был период тяжелейших испытаний, вынужденного отступления наших войск под натиском сильного и умелого противника. Но были и периоды относительно успешных наших наступательных операций - в районе Ростова-на-Дону в конце 1941 года и Барвенково-Лозовской операции 1942 года. Затем снова трагические провалы нашего наступления на Крымском фронте,

под Харьковом. Враг уже под Сталинградом и в предгорьях Кавказа.

Наш 446-й оказался в Нальчике. Мы, солдаты, делали все возможное и невозможное, чтобы задержать противника. Многие летчики нашего полка пали смертью храбрых в тех боях. Особенно отличились два летчика, ставшие впоследствии Героями Советского Союза, - Вадим Фадеев и Владимир Истрашкин, которым я готовил оружие для боя.

Наизусть повторяли мы слова приказа Верховного Главнокомандующего No 227 - сурового и грозного, как и сама война. Наверное, это были впервые с начала войны произнесенные правдивые слова о положении на фронтах.

"Надо упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать до последней возможности... Отступать дальше - значит погубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования!"

И стояли насмерть, остановили дальнейшее продвижение врага.

Приведу несколько строк из книги командующего 4-й воздушной армией К. А. Вершинина "Четвертая воздушная":

"С утра 25 октября 1942 года противник произвел звездный налет на войска и штаб 37-й армии, расположенный в селе Долинское. В налете участвовало до 100 бомбардировщиков, прикрываемых истребителями... 42 раза бомбили аэродром в Нальчике, где базировался 446-й истребительный полк..."

Сколько раз немцы налетали на наш аэродром, я не считал, хотя там находился целый день и вместе с товарищами отбивал атаки, но что было очень тяжело - это точно.

Полк обезлюдел, потерял почти всю технику в ожесточенных боях. Вскоре по приказу командования он был расформирован, а оставшийся личный состав был направлен в 6-й УТАП (учебно-тренировочный авиационный полк) 4-й воздушной армии для переучивания. Так в начале 1943 года я попал в 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк, куда была передана эскадрилья, где я служил оружейником. Находился он в городе Сальяны Азербайджанской ССР.

От мифов - к реальности

Историю нельзя подправлять задним числом. Ее нужно принимать такой, какой она была на самом деле. Мы теперь знаем больше, но многое еще предстоит нам и узнать, и осмыслить, многим людям еще необходимо мужество, чтобы освободиться от плена прежних своих представлений.

Вспоминая о трагическом начальном периоде войны, о так называемой "внезапности нападения" немецкой авиации на наши аэродромы в западных приграничных военных округах, авиаторы задавали вопросы: Как могло такое произойти? Почему наша авиация не была приведена в боевую готовность? Где была наша разведка? Почему бездействовали штабы ВВС, командиры авиасоединений и частей? Каким было соотношение сил? Но убедительных, правдивых ответов долгое время не получали.

В настоящее время в распоряжении историков имеются данные о силах люфтваффе, распределении их по воздушным флотам и театрам военных действий, потерях самолетов и личного состава за весь период второй мировой войны, исключая три последних месяца перед капитуляцией Германии. Взяты они из документов 6-го отдела штаба тыла, которые находятся в военном архиве города Фрейбург (ФРГ). Эти данные были систематизированы и опубликованы в 1978 году известным историком ГДР О. Грелером в третьем номере немецкого журнала "Военная история".

В его же книгах "История войн в воздухе с 1910 по 1980 годы" и "Борьба за господство в воздухе", изданных военным издательством ГДР в 1988 году, приводятся последние, уточненные данные о силах люфтваффе, сосредоточенных к 22 июня 1941 года для нанесения первого удара по аэродромам и важнейшим объектам нашего тыла.

Мне довелось быть свидетелем, а позднее и участником беспримерной по своему накалу борьбы советских летчиков с превосходящими силами врага. В сентябре 1945 года как знающего немецкий язык меня в качестве военного переводчика откомандировали в Военно-воздушный отдел Советской военной администрации в Германии, где пришлось разбирать захваченные документы, допрашивать высоких чинов разгромленной гитлеровской авиации. Эта работа уже тогда позволила на многие события войны взглянуть другими глазами и, в частности, глазами нашего противника.

Всего у границ Советского Союза к началу войны было сосредоточено 3604 немецких боевых самолета и 1177 самолетов тогдашних союзников Германии. Получается, что противник имел около 4800 боевых самолетов.

В наших западных военных округах насчитывалось 6600 самолетов и 1331 имели в своем распоряжении ВВС Флота. Самолетный парк состоял в основном из ветхих и изношенных машин с ограниченным летным ресурсом, которые, несмотря на неоднократные модификации, по своим летно-техническим качествам, прежде всего по скорости, значительно уступали

самолетам противника. Пора бы уже признать, что в довоенные годы олицетворением передовой научно-технической мысли среди стран мира была Германия.

Я вспоминаю послевоенные годы, когда бывал на авиационных заводах Германии, где в то время производился демонтаж оборудования. Специалисты нашей авиапромышленности, занимавшиеся этим делом, в доверительных беседах отмечали высокий уровень технологии и машин. (Такие беседы могли нам стоить, в лучшем случае, ярлыка "преклоняющихся перед иностранщиной" со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Немцы же хорошо знали возможности нашей авиапромышленности. После окончания гражданской войны в Филях под Москвой немецкая фирма "Юнкерс" построила авиационный завод, где работали и немецкие специалисты.

До прихода Гитлера к власти, так как Германии не разрешалось, согласно Версальскому договору, иметь военно-воздушные силы, немцы готовили кадры военных летчиков в других странах, в том числе и в СССР. В Липецке был

"секретный" центр, где немцы учились летать. К нам прибывали обычно офицеры, в гражданском платье, под видом туристов или специалистов, проходили курс обучения полетам и отбывали в Германию. Их сменяла следующая группа.

Многие из этих "туристов" воевали в составе "Легиона Кондор" в Испании, сражались там на "мессершмиттах" с нашими "ишачками". Затем в войне против нашей страны передавали опыт своим подчиненным, атаковали советских молодых летчиков, имевших мизерный налет часов в летных школах, особенно ускоренных выпусков военного времени. А наши летчики и обслуживающий персонал, которые работали с немцами, в свою очередь учились у них... Их опыт и представлял бы огромную ценность, но они были истреблены в сталинских застенках.

Руководство фашистской Германии исповедовало доктрину "молниеносной войны", большая роль в которой отводилась теории итальянского генерала Д. Дуэ о ведущей роли авиации. Тот утверждал, что авиация, завоевав господство в воздухе, способна ударами по государственным и экономическим центрам тыла противника решить исход войны. Опыт второй мировой войны и последующих локальных войн показал беспочвенность этой теории. Немцы создали специальное министерство авиации, которому подчинилось все, касающееся авиации, и отдельный род войск - люфтваффе с генеральным штабом, подчинив ему, кроме летных частей, всю систему ПВО, зенитную артиллерию, полевые авиасоединения.

Конечно, нет никакого сомнения, что герои войны в Испании и на Халхин-Голе Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов, став командующими ВВС страны, не могли не знать о действиях немецкой авиации против Франции и Англии, где люфтваффе наносили прежде всего удары по авиации противника на аэродромах. Однако они ничего не могли сделать, ибо за две недели до начала войны были арестованы и их постигла участь многих тысяч других военачальников.

Страшная атмосфера подозрительности и шпиономании, боязнь принимать решения самостоятельно не могли не отразиться на моральном состоянии руководства штабов ВВС, авиасоединений и частей.

В первый день войны принимало участие в налетах 3100 вражеских самолетов. Уже в два часа ночи 22 июня специально подготовленные вражеские экипажи-ночники - 637 бомбардировщиков и 231 истребитель - были подняты в воздух для подавления в основном нашей истребительной авиации на аэродромах, а также зенитных средств ПВО.

Чуть позже, с рассветом, следующая волна - 400 бомбардировщиков и большое количество истребителей - нанесла удар по остальным приграничным аэродромам и другим целям.

Расчет командования вермахта был ясен: нейтрализовать советскую авиацию, обеспечить свое безраздельное господство в воздухе и переключить основные силы люфтваффе на непосредственную поддержку наземных войск. Реализация этого замысла привела к тому, что, по данным немцев, в первый день войны на земле было уничтожено 888, в воздухе - 223 советских самолета. Эти цифры не намного отличаются от данных, содержащихся в наших официальных источниках: всего потеряно около 1200 самолетов, из них 800 на аэродромах.

Работая в военном архиве Народной армии ГДР, я изучал документы бывших люфтваффе, касающихся прежде всего первого периода военных действий на нашем фронте, а также периода обороны и освобождения Крыма, имеющие, как правило, гриф "совершенно секретно, только для командования", часто с пометками: "передавать только от офицера к офицеру", "печатал на машинке офицер". Многие фотокопии этих документов, в свое время захваченных американцами, а затем переданных в ГДР, находятся и в моем личном архиве.

Вот документ - радиоперехват 4-го воздушного флота люфтваффе от 22 июня 1941 года.

"Противник не применяет кода, передает открытым текстом: Подверглись нападению. Что мы должны делать? Импровизированные приказы русских: бомбите следующий

аэродром! Прошу помощи! Ответ: Держитесь мужественно! В 3 ч. 10 м. объявлена боевая тревога для ночных истребителей в Киеве. 10-я смешанная авиадивизия русских на аэродромах между Пинском и Белостоком в 6 ч. 00 м. сообщает: аэродромы горят, связь прервана. В 10 ч. 45 м. радио всем: летчикам садиться в Добжник (140 км южнее Минска)" (Д. 03/5660, л. 296).

Записи из дневника военных действий 4-го воздушного флота люфтваффе от 22 июня 1941 года:

"2-я группа 4-й бомбардировочной эскадры 4-го воздушного корпуса еще в темноте силами 9 Хе-111 бомбила Севастополь. В гавани находится линкор "Парижская коммуна".

"...На 12 ч. 00 м. 23.06.41 г. по донесениям из воздушных корпусов с начала боевых действий уничтожено самолетов противника: в воздухе - 27, на земле - 486. Отмечается сильное противодействие истребителей противника. Собственные потери уточняются".

"Донесение из 4-го воздушного корпуса. За 23.06.41 г. уничтожено самолетов противника на земле - 20, в воздухе - 5. Собственные потери: 8 самолетов потеряно полностью, 5 совершили вынужденную посадку" (Д. 02/6959, л. 196).

Советские летчики вступили в смертельную схватку с врагом. Там, где служба дежурных звеньев была налажена, наши истребители взлетали навстречу вражеским армадам бомбардировщиков, самоотверженно вступали с ними в бой.

Авиация лишь одного военного округа - Одесского,- так же как и авиация наших флотов - Черноморского, Балтийского и Северного,- была приведена в боевую готовность 21 июня. Летчики встретили противника более организованно и нанесли ему большой урон.

По немецким данным, фашисты потеряли за первую неделю войны - с 22 по 30 июня 1941 года - 669 самолетов, из них 286 бомбардировщиков и 211 истребителей. В июле и августе - по тысяче самолетов.

Всего же с момента нападения на Советский Союз по 31 декабря 1941 года боевые потери фашистской авиации составили 4643 самолета, из них 3827 (или 82 процента) - на Восточном фронте. По летному составу люфтваффе архивные данные таковы: общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести - 7666 человек, из них 6052 (или 79 процентов) - на Восточном фронте. Думается, эти цифры не оставляют сомнений в том, кто же на самом деле ломал крылья гитлеровской военной машине.

Командование люфтваффе в своих донесениях отмечало, что с началом войны на Востоке разрыв между их потерями самолетов, летного состава и получаемым пополнением

постоянно увеличивался. По сути дела, это был провал "блицкрига" для фашистской авиации.

За возрастающие трудности с восполнением, потерь кто-то должен был нести ответственность. Первым "козлом отпущения" стал генерал Удет, отвечавший в имперском министерстве авиации за производство самолетов. Не выдержав тяжести свалившихся на него обвинений, 17 ноября 1941 года Удет застрелился. Волей судьбы его смерть косвенно послужила причиной гибели еще одного известного немецкого аса - генерала Мельдерса. Вылетев 19 ноября на похороны Удета, он разбился.

При подготовке летнего наступления 1942 года гитлеровское командование также придавало большое значение действиям авиации. Из 4262 боевых самолетов, которыми Германия располагала на тот момент, почти три тысячи были сосредоточены на Восточном фронте, причем большая часть - на южном его участке. Особенно был усилен 4-й воздушный флот люфтваффе.

Ожесточенные сражения происходили в небе Украины, Крыма, Кавказа, Сталинграда. Враг по-прежнему имел ощутимое превосходство в авиационных силах и средствах.

Хорошо помню те дни. Части 4-й воздушной армии, в состав которой вошел 446-й истребительный авиационный полк, ведя тяжелые бои с воздушным противником, непрерывно меняя дислокацию из-за угрозы окружения, отходили на юг. Часто бывало так: на задание летчики вылетали с одного аэродрома, а садились на другом - настолько быстро менялась обстановка. Люди были измотаны морально и физически. Тем не менее в воздушных боях наши

летчики проявляли исключительные отвагу и мастерство.

26 мая 1942 года в Донбассе нам, авиаспециалистам, удалось увидеть своими глазами бой шестерки И-16 во главе с командиром эскадрильи капитаном И. Пилипенко с сорока вражескими бомбардировщиками. "Ишачки" сбили шесть самолетов, заставили гитлеровцев бесприцельно сбросить бомбы и поспешно ретироваться. Наши истребители потерь не имели.

Остался в памяти и такой боевой эпизод. 2 октября 1942 года группа истребителей удачно штурмовала аэродром 52-й истребительной эскадры немцев у станицы Солдатская под Нальчиком. Двенадцать самолетов были сожжены на стоянках, семь повреждены, три сбиты в воздухе. Из наших летчиков погиб один - ведущий группы капитан И. Пилипенко. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот некоторые данные о потерях люфтваффе за период с 1 декабря 1942 года по 30 апреля 1943 года. Всего германские ВВС

недосчитались 8810 самолетов, в том числе 1240 транспортных, 2075 бомбардировщиков, 560 пикировщиков, 2775 истребителей. Это две трети всех их потерь на фронтах.

К сказанному хотелось бы добавить, что за девять недель, когда гитлеровцы с помощью "воздушного моста" пытались если не спасти, то облегчить положение окруженных под Сталинградом войск, они только транспортных самолетов потеряли 495 в воздушных боях и столько же на земле.

Стабилизировав фронт, фашистское командование с весны 1943 года начало подготовку к летнему наступлению под Курском. В осуществлении намеченного плана важное значение придавалось укреплению группировки в Крыму с целью сохранения плацдарма для наступления на Кавказ, а также отвлечения на второстепенные направления как можно большего числа советских войск.

К середине апреля 1943 года противник сосредоточил на аэродромах Крыма и Кубани основные силы 4-го воздушного флота, имевшего 820 самолетов. Кроме того, он мог привлекать более 200 бомбардировщиков с аэродромов юга Украины. Благодаря принятым мерам, за короткий срок боевой состав ВВС Северо-Кавказского фронта с приданными и взаимодействующими частями и соединениями был доведен до 900 самолетов. Это позволило ликвидировать невыгодное для нашей авиации соотношение в силах.

Сосредоточение с обеих сторон большого количества самолетов для действий в ограниченном районе предопределило упорную и напряженную борьбу в воздухе.

С самого начала активных боевых действий-нашей и немецкой авиации на Кубани развернулась ожесточенная борьба за господство в воздухе. Пытаясь переломить ход событий, враг вводил в сражение все новые и новые силы. Однако инициативу захватили советские летчики.

За период с 17 апреля по 7 июня 1943 года, противник потерял почти 1100 самолетов, более 800 из них были уничтожены в воздухе. Важно заметить, что на Кубани нашим авиаторам противостоял сильный враг, представлявший, так сказать, цвет люфтваффе - истребительные эскадры "Удет", "Мельдерс",

Но и для титулованных пришел час расплаты. Сотни из них на Кубани, сделали свои последние боевые вылеты. В то же время здесь ярко проявился бойцовский талант наших прославленных летчиков-истребителей: А Покрышкина, Г. Речкалова, В. Фадеева, С. Харламова, братьев Бориса и Дмитрия Глинки и многих других.

Наши летчики вступили в битву на Курской дуге, обогащенные боевым опытом. Здесь авиационная группировка противника насчитывала 2050 самолетов. Для координации действий авиации на фронт прибыл начальник генерального штаба люфтваффе генерал-полковник Ешоннек. Как и в предыдущих крупных операциях, решающее значение в наступлении под Курском придавалось первому массированному удару.

Исход Курской битвы и ее влияние на дальнейший ход войны известны: борьба с авиацией противника, продолжавшаяся почти полтора месяца, завершилась разгромом основных ее сил. В результате Советские Военно-Воздушные Силы завоевали стратегическое господство в воздухе.

За период с 5 июля по 23 августа 1943 года на советско-германском фронте гитлеровцы потеряли 3700 самолетов. Это была катастрофа, и, думается, многие руководители люфтваффе понимали ее последствия. Так, генерал Ешоннек, не дожидаясь "оргвыводов" за провал своей миссии в Курском сражении, 18 августа покончил с собой. Как показали дальнейшие события Великой Отечественной войны, фашистская Германия так и не смогла восполнить понесенные авиацией потери.

В то же время быстрорастущие темпы производства авиационной техники и вооружения позволяли командованию Красной Армии, ВВС не только компенсировать боевые потери в частях. Формировались новые авиационные соединения, создавались крупные резервы, перевооружались полки и дивизии. Новая техника не только не уступала, но и превосходила по ряду тактико-технических характеристик соответствующие типы немецких самолетов.

Уже в феврале 1942 года руководство авиационной промышленностью Германии отмечало:

"Захваченные в качестве трофеев советские самолеты доказывают, что в последние годы имел место неожиданный технический рывок в развитии самолетостроения в СССР. Причем в отдельных областях отмечается их конкурентоспособность по сравнению с лучшими изделиями Европы и Америки".

А вот строки из документа, датируемого апрелем 1942 года:

"Необходимо отметить, что советское моторостроение сделало неожиданно большой рывок, и не только в количественном, но и в качественном отношении по сравнению с другими воюющими государствами".

Существенные изменения произошли не только в техническом оснащении Советских Военно-Воздушных Сил. На более высокую ступень в своем развитии поднялись оперативное

искусство и тактика родов авиации, управление войсками и планирование боевых действий, организация взаимодействия. Все эти и другие факторы, в том числе морально-политический, делают вывод исследователи, сыграли решающую роль в изменении соотношения сил в воздушной войне.

По данным немецких архивных документов, гитлеровская авиация с 22 июня 1941 года по 31 декабря 1943 года потеряла только истребителей около 15 тысяч. Из них на Западном фронте и над Германией при отражении налетов англо-американской авиации был сбит 2581 самолет, или 17 процентов от общего числа потерь...

В издаваемой на Западе литературе о гитлеровской авиации, особенно в мемуарах, не жалеют красок для описаний подвигов и побед фашистских летчиков. Понятно, что эти публикации рассчитаны на массового читателя, мало знакомого с историей второй мировой войны и тем более с перипетиями авиационного противоборства. Грим эмоций, наложенный умелой рукой на действительные или правдоподобные факты, и создает иллюзию столь обожаемого западными читателями и зрителями супермена-летчика, играючи сбивающего неграмотных, нерасторопных русских.

Что бросается в глаза в подобной литературе? Прежде всего, общая тенденция брать за основу повествования начальный, наиболее тяжелый для нашей страны и армии период войны. Характерно также стремление авторов к восхвалению боевых возможностей немецких самолетов и мастерства летчиков, опуская, естественно, недостатки и тот факт, что советские авиаторы и на устаревших машинах, уступая противнику числом, тем не менее одерживали победы.

В мемуарных изданиях до сих пор бытует мнение, что в Советских ВВС якобы существовали специальные подразделения летчиков-смертников вроде японских камикадзе. Поводом для появления этого мифа послужили, можно предполагать, нередкие случаи применения нашими авиаторами воздушных и огненных таранов. Уже после войны, беседуя с бывшими летчиками: люфтваффе, приходилось доказывать, что таких подразделений у нас не было. В качестве контраргумента ими не раз приводился приказ Геринга, согласно которому советских летчиков, совершивших таран и попавших в плен, предписывалось после допроса не отправлять в специальные лагеря, а расстреливать на месте.

Теперь несколько слов о фантастически большом количестве самолетов, якобы сбитых отдельными гитлеровскими летчиками. Отдавая должное сильному и опытному противнику, все же,

думается, следует критически относиться к цифрам и фактам, приводимым в соответствующих изданиях.

Надо иметь в виду, что к началу Великой Отечественной войны многие немецкие летчики имели за плечами опыт боев в небе Испании, Северной Африки, оккупированных европейских стран. На их счету были уже десятки сбитых самолетов.

Не раз приходилось слышать высказывания, что, мол, русские прославляют своих асов - А. Покрышкина, И. Кожедуба, Г. Речкалова, Н. Гуляева, Б. Сафонова и других, а ведь были летчики люфтваффе, одерживавшие больше побед в воздушных боях.

Нет, простая арифметика здесь не подходит. На личный боевой счет советских авиаторов заносились только документально подтвержденные участниками данного боя и наземными войсками сбитые самолеты. Но ведь множество воздушных поединков проходило за линией фронта или над морем, где некому было наблюдать с земли за действиями летчиков и считать сбитые или поврежденные фашистские самолеты.

В случаях, когда в горячке боя трудно было определить летчика, нанесшего поражающий удар, сбитый самолет записывался на групповой счет. Нередко ведущий одержанные победы по справедливости делил с ведомым. Порой опытные командиры в педагогических и воспитательных целях засчитывали сбитые ими самолеты молодым или потерявшим по каким-то причинам уверенность в себе летчикам.

Таких примеров немало. Да, иметь солидный боевой счет было престижно, за победами в воздухе следовали высокие награды. И все же для советских летчиков главным всегда и везде были чувство долга, честь эскадрильи, полка, законы воинского товарищества.

В гитлеровской армии подсчет сбитых самолетов противника повсеместно осуществляли специальные службы воздушного наблюдения. Кроме того, уже тогда на немецких истребителях устанавливались устройства, получившие в авиации название кинофотопулеметов. После вылета или в конце боевого дня кинолента проявлялась, и по количеству или характеру попаданий пуль и снарядов гитлеровскому летчику могли засчитывать самолет противника как выведенный из строя.

Однако в практике боевых действий наших Военно-Воздушных Сил множество случаев, когда летчики возвращались на аэродром буквально на изрешеченном самолете, а на следующий день благодаря мастерству авиаспециалистов снова вылетали на задания и сбивали врага. Кстати, испытал это на себе. Наш Ил-2, вероятно, тоже не раз в гитлеровских сводках

входил в число сбитых. А он, латаный-перелатаный, снова и снова поднимался в небо.

Напрашивается вывод. Если существовавшая в люфтваффе система учета потерь противника не вполне отвечала целям военным, то пропагандистским, видимо, соответствовала. Точно так же, как соответствуют им послевоенные издания некоторых западных "исследователей" войны в воздухе и мемуары гитлеровских летчиков и генералов люфтваффе.

Попытка принизить подвиг наших ВВС не нова, но если этим ранее занимались сами немцы и их покровители - союзники по НАТО, то сейчас этим занимаются и наши доморощенные "стратеги", забыв предупреждение поэта: "Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны".

Люфтваффе потерял свои лучшие силы на Восточном фронте, о чем свидетельствуют немецкие документы.

Подтверждением этому может служить книга "Снимите Хартмана с неба" американских авторов Р. Толивера и Т. Констейбла, изданная в Штутгарте в 1988 году и посвященная немецкому асу No 1 Эриху Хартману, который командовал 9-й эскадрильей 52-й истребительной эскадры с 20 апреля по 8 мая 1944 года в Крыму.. Эта эскадрилья тогда базировалась на аэродроме на мысе Херсонес.

В книге дан поименный список потерь летного состава эскадры за период второй мировой войны. Эта эскадра с первого и до последнего дня войны, а именно с 22 июня 1941 года и по 8 мая 1945 года находилась на Восточном фронте. Приводятся потери с 22 июня 1941 года по 11 апреля 1945 года - 503 летчика. Кроме того, за тот же период еще 91 человек пропал без вести при невыясненных обстоятельствах.

Авторы, опираясь на заявления многих немецких асов, пишут:

"Этот список потерь истребительной эскадры помогает разрушить легенду о том, что с русскими было легче воевать. Особенно с 1943 года об этом не могло быть и речи. Интересно, что известные немецкие асы, сражавшиеся столь успешно на Западном фронте, а затем переброшенные на Восточный фронт, вскоре погибали или попадали в плен. Вспомните судьбу таких асов, как Аси Ган, Зигфрид Шнель, Герхард Хомут, Эрих Лейе, и других. Причины тому были различные: психологические, технические, материальные и даже погодные. Многое зависело от тылового снабжения и организации аэродромной службы. Восточный и Западный фронты нельзя сравнивать..." (с. 332).

Сам Хартман совершил 1404 боевых вылета. Наши летчики сбивали его 14 раз, но он спасался с парашютом или садился на вынужденную. Один раз он даже попал к нам в плен, но в

прифронтовой полосе обманул конвоиров (знал русский язык), бежал. Наши же асы А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб совершили 600 и 330 боевых вылетов соответственно. Если приплюсовать сюда еще и вылеты В. И. Фадеева, то получается, что Хартман совершил столько боевых вылетов, сколько эти три наших аса, вместе взятые. Почему так получилось? На этот вопрос я уже ответил чуть выше, но повторюсь еще раз. Подсчет сбитых самолетов у нас и у немцев был разным. У нас необходимо было подтверждение из трех источников, что самолет сбит наверняка, а это не всегда было возможно доказать. У немцев же считался сбитым самолет,

если в него попало столько-то снарядов или пуль, что определялось после проявления кинопленки. Наши истребители таких кинокамер на борту не имели. Причем сбитый самолет - это значит выведенный из строя, хотя оставшийся в живых летчик мог дотянуть самолет до своей территории.

Под каким бы слоем пропагандистского грима ни подавались события и факты минувшей войны, правду истории не исказить. Сегодня становятся известными все больше архивных документов, проливающих свет истины и помогающих найти ответы на вопросы, волновавшие и волнующие миллионы людей.

Живы и многие участники великих сражений, в том числе воздушных. Их объективные воспоминания должны дополнить и обогатить летопись борьбы и побед советского народа, его армии, Военно-Воздушных Сил.

Так я стал воздушным стрелком

В 6-м УТАПе кипела жизнь. Прибывали новые полки "безлошадников" на переучивание, убывали группы летчиков и техников на авиационные заводы за получением новой техники. Авиаторы, прибывшие с фронта, рассказывали о последних боях, а те, кто получал новые самолеты на авиационных заводах, пространно расписывали жизнь в глубоком тылу.

Летчики и авиаспециалисты знакомились с техникой прямо в цехах, а затем на аэродроме готовили ее к перелету на фронт.

В УТАПе доходит до курьезов. Вдруг оказываются "дезертиры наоборот" летчики, которые под разными предлогами "бегут" на фронт. Многие техники, младшие авиаспециалисты доказывают, что они в свое время учились на летчиков, но документы, мол, потерялись, и они хотят переучиваться на новые самолеты. Все, конечно, становилось на свои места, но так, было!

Зимой 1942/43 года на советско-германском фронте стратегическая инициатива стала переходить к Советским Вооруженным Силам.

Немцы понесли сокрушительное поражение под

Сталинградом, почти полностью был очищен Северный Кавказ, кроме Кубанского плацдарма.

Армии итальянцев, румын и венгров понесли также большие потери. Войска Красной Армии на Украине возвратили свои позиции, утраченные в ходе наступления немцев летом 1942 года.

На стенде, вывешенном в нашем общежитии, висела вырезка из газеты:

"В Народном комиссариате обороны.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 590-й штурмовой авиационный полк в 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк..."

Командиром полка был назначен подполковник Соколов Александр Дмитриевич.

Тех, кто завоевал это почетное звание, осталось мало: полк понес большие потери в боях. Теперь мы должны были получить на вооружение штурмовики Ил-2.

На аэродроме техники внимательно рассматривали самолет. Обтекаемая форма фюзеляжа, стеклянная кабина, лобовое пуленепробиваемое стекло фонаря и выступавший далеко вперед острый капот мотора с конусообразным обтекателем винта. Все это придавало самолету хищный вид. Из передней кромки плоскостей смотрели две пушки, два пулемета, под крыльями - восемь металлических реек - направляющих для реактивных снарядов. В центроплане четыре бомбоотсека, да еще и два замка для бомб под фюзеляжем. Мотор, бензобаки, кабина летчика одеты в броню. Скорость у земли развивал около 350 километров в час.

Вот это машина!

Оружейники взялись за ее изучение. Вскоре мы узнали о боевых возможностях этого "летающего танка".

Первые серийные штурмовики Ил-2 оснащались двумя пушками калибра 20 мм, двумя пулеметами 7,62 мм. Они устанавливались в крыльях. Самолет мог нести до 600 килограммов бомб. Под крыльями прикреплялись направляющие для восьми реактивных снарядов РС-82.

В ходе войны работа над усовершенствованием боевых возможностей штурмовика продолжалась. В кабине воздушного стрелка был установлен крупнокалиберный пулемет Березина калибра 12,7 мм. Пушки стали заменять на 23 мм, а позже - на 37 мм. Использовались реактивные снаряды большого калибра - четыре РС-132 мм. В вариантах бомбовой нагрузки были специальные противотанковые бомбы кумулятивного действия.

Ни одна армия в мире в то время не имела такого, даже приблизительно равного по боевым качествам, штурмовика.

В полк начали прибывать воздушные стрелки. Среди них и бывшие курсанты летных училищ, которые не стали летчиками не по своей вине: в период нависшей угрозы прорыва немцев на Кавказ они были посланы в пехоту, принимали участие в боях, а затем их снова отозвали в авиацию. Теперь им предстояло летать воздушными стрелками. Но были ребята, ранее в авиации не служившие.

Знакомясь с поступившим пополнением, командование полка видело, что уровень подготовки воздушных стрелков невысок. Нужно было заниматься их боевой подготовкой в полку.

В числе первых воздушных стрелков, которые прибыли в полк, запомнился Александр Паршиков, Виктор Барсачев, Михаил Черноусов, Тимофей Столяров, Леонид Кравцов, Иван Алясов, Георгий Багарашвили, Ахкар Ходжаев. Однажды меня вызвал заместитель командира полка по политчасти, исполнявший в то время и обязанности командира полка. В его кабинете находился инженер по вооружению В. Ф. Коваленко. Воронцов сказал, что командование собирается привлечь меня к обучению воздушных стрелков, поскольку я хорошо знаю оружие, теорию и практику стрельбы.

Программа подготовки воздушных стрелков предусматривала изучение оружия самолета Ил-2, особенно пулемета воздушного стрелка УБТ, практические стрельбы из него в тире по макетам самолетов противника, изучение теории воздушной стрельбы и тактики штурмовиков, а также опыта воздушных боев против немецкой авиации.

Занятия по изучению оружия проводил инженер по вооружению, а я занимался практической стрельбой в тире и знакомил с теорией воздушной стрельбы.

Как известно, конструктор самолета-штурмовика С. В. Ильюшин первоначально спроектировал его в расчете на летчика и воздушного стрелка, но военные настояли на одноместном варианте. Они считали, что броня сама по себе неплохое оборонное средство, зачем, мол, еще стрелок.

Ил-2 выпускался в одноместном варианте, но уже первые бои показали: их сбивают вражеские истребители, и в ходе войны пришлось перейти на строительство двухместных "илов". Воздушные стрелки успешно отражали атаки вражеских истребителей, и их стали называть "щитом самолета".

Первое свое занятие по теории воздушной стрельбы я начал, как учили меня в школе младших авиаспециалистов, и почти дословно пересказал хорошо мне запомнившиеся слова

преподавателя этой, школы Аркадия Ефимовича Литвинова.

- Солдат вооружен винтовкой. Он стреляет и огнем поражает противника, в рукопашном бою действует штыком и прикладом. А что такое танк? Это оружие: пушка, пулемет, и управляет этим оружием экипаж, укрытый броней. А военный корабль? Это прежде всего пушки различного калибра. Возьмем, наконец, самолет. Это - летательный аппарат различного устройства и назначения. Боевой самолет - это тоже летающее оружие: пушки, пулеметы, бомбы. Самолетом нужно уметь управлять, вести бой, уклоняться от огня противника и самое главное - нанести противнику поражение. Летчик должен отлично владеть техникой пилотирования, тактикой ведения воздушного боя и оружием. Вести огонь в воздухе - это не то, что на земле. Самолет летит в воздухе не по прямой, как нам кажется с земли. В действительности же самолет летит, то проваливаясь на несколько метров вниз, то поднимаясь немного выше. Затем летчик может слегка повернуть, и самолет отклонится влево или вправо, противник же этого не заметит. Летчик, открывая огонь по вражескому самолету, не прицеливается каждым пулеметом, как делаем мы на земле, в тире, а ведет огонь, прицеливаясь всем самолетом через специальный прицел. Оружие же на истребителе укреплено неподвижно...

На последующих занятиях я неоднократно повторял, что самолет - это летающее оружие, и рассказал старую шутку авиаконструкторов. Специалисту по вооружению самолетов доверили спроектировать истребитель. Он создал что-то вроде громадной пушки, облепленной маленьким крылом, оперением, кабиной, шасси.

Вооруженец был ослеплен своей приверженностью ко всему стреляющему. Но в его проекте была и здравая мысль: бортовое оружие - главная ноша истребителя, призванного уничтожать летательные аппараты противника, а иногда и штурмовать наземные цели.

Если принять во внимание, что атакующий и атакуемый в воздухе перемещаются с большой скоростью и при этом находятся на разных высотах, то нужно мгновенно оценить скорость противника, сопоставить с собственной скоростью и предусмотреть те отклонения в траектории полета пули, которые зависят от угла обстрела. Для того чтобы свести к минимуму необходимость вносить поправки в прицел, нужно открывать огонь с близкой дистанции и при этом не столкнуться со сбитым самолетом. Авиационное вооружение имело большую скорострельность:

7,62 мм пулемет системы Шпитального - Комарицкого

(ШКАСС) - до 1800 выстрелов в минуту, а крупнокалиберный 12,7 мм пулемет системы Березина выпускал 1000 пуль в минуту.

"Мессершмитт" - "Ме-109" (выпуска 1939 г.) нес два пулемета, стрелявших сквозь диск винта, и две крыльевые пушки 20 мм.

Отлично защищенный от огня стрелкового оружия с земли, атаки истребителей противника штурмовик отражал огнем воздушного стрелка, а поэтому Ил-2 стал незаменимым самолетом авиационной поддержки войск. Штурмовики вылетали даже в самую непогоду, когда бомбардировщики оставались на аэродроме.

Однажды на занятиях по воздушной стрельбе я так увлекся, что высказал приблизительно следующее:

- Отлично подготовленный стрелок на самолете Ил-2, с таким грозным оружием, как крупнокалиберный пулемет УБТ, да к тому же знающий тактику немецких истребителей и их уязвимые места, должен не только отразить атаки врага, но и сбить его!..

Я разошелся, стал приводить примеры, как сбивали воздушные стрелки фашистские самолеты. Сведения были почерпнуты в основном из газет или из рассказов бывалых людей.

Пыл мой охладил стрелок Георгий Багарашвили:

- Очень красиво гаваришь. Верно гаваришь! А почему сам не летаешь? Почему сам не покажешь, как нужно сбивать фашиста?! Зачем ты только гаваришь, много красиво рассказываешь?

Вокруг согласно зашумели.

И тогда я сказал:

- И докажу! Подам рапорт с просьбой перевести меня в воздушные стрелки, и если командование разрешит, будем летать вместе.

Такое заявление вызвало полное удовлетворение слушателей.

В тот же день я подал рапорт на имя командира полка с просьбой перевести меня на должность воздушного стрелка.

Василий Федорович Коваленко начал отговаривать. Сказал, что он получил уже назначение на должность инженера по вооружению истребительного полка, которым командует Федор Сергеевич Королев, и что хотел бы взять и меня с собой. Это не трудно сделать, так как полк Королева уже на фронте, а перевод в действующую армию из УТАПа по заявкам выполняется немедленно.

Я поблагодарил его, но просил все же направить мой рапорт командиру полка и рассказал, почему я так поступаю: хочу лично сражаться, оружие знаю и верю в него. А главное - я дал слово товарищам. Мой отказ они могут воспринять как трусость.

- Ладно... Я верю в тебя!

В тот же день был подписан приказ о переводе меня в

воздушные стрелки.

Моему примеру последовали еще два мастера по авиавооружению - Василий Сергеев и Иван Свинолупов

Мои друзья-однополчане

Учебно-тренировочный полк перебазировался в Ставрополь. Здесь продолжалась напряженная работа по совершенствованию техники пилотирования, слетанности групп, производились стрельбы и бомбометания с различных высот.

Летчики, имевшие немалый боевой стаж, рассказывали о пережитом, делились своим опытом. Запомнились рассказы летчиков Георгия Устинова, Алексея Глобы, Николая Гундобина, Анатолия Пономарева, Виктора Твердохлебова, Виктора Иванова.

Николай Гундобин рассказал о начале боевого пути нашего 590-го полка, командиром которого был тогда майор Телегин, а заместителем майор А. Д. Соколов. 10 сентября 1941 года под Ростовом-на-Дону был первый вылет полка на штурмовку в составе двух эскадрилий на И-15. Прикрывали эту группу под командованием лейтенанта Багрова два И-16, пилотируемые Телегиным и Соколовым. Сержант Матвеев был подбит зенитным огнем и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Через три дня он пришел в свою часть: наши люди переодели его в гражданское и ему удалось перейти линию фронта.

19 ноября 1941 года было получено задание найти и разрушить понтонную переправу через реку Миус. Немцы ее искусно замаскировали.

Самолет Георгия Устинова не был готов к вылету, а когда его исправили, группа уже ушла на боевое задание. В то время был строгий приказ: не летать одиночными самолетами, они легко становились добычей немецких истребителей. Устинов, стремясь догнать свою эскадрилью, нарушил этот приказ.

В предыдущий вылет он обратил внимание, что в том месте, где река Миус впадает в лиман, стояли три-четыре грузовые автомашины-фургона, рядом небольшое количество вражеских солдат. Туда он и направился. Летел на высоте метров 700, так как выше была облачность. Вдруг увидел ровную ленточку понтонной переправы, а на западном берегу - много стогов, которых раньше не было. Он прошел над переправой, но немцы по нему не стреляли. Затем развернулся, спикировал и, сбросив бомбы на переправу, с переворотом устремился на ближний стог. От пулеметных очередей стог загорелся, а когда он начал стрелять по второму, немцы открыли сильный огонь из "эрликонов" (пушки 20 мм). Из-под стогов выползали танки и бронемашины. Самолет Устинова буквально изрешетили, но ему

удалось попасть в переправу.

Несмотря на успех, возвращаясь, думал: что же теперь будет за нарушение приказа? На аэродроме его ждали и уже знали, что он разрушил переправу. Командир полка Телегин поздравил Устинова за удачный боевой вылет и одновременно отругал за нарушение приказа. Дисциплина есть дисциплина!

Анатолий Пономарев рассказал, что Устинов водил пятерку И-15 на штурмовку в район северо-восточнее Таганрога. Младший лейтенант Семенов повел туда же другую группу. Вечером их обоих вызвали в штаб дивизии. Им сообщили, что наши самолеты нанесли удар по своим войскам, располагавшимся на северном берегу реки Мертвый Донец. Кто нанес удар? Семенов отказывался. Командир полка Телегин допрашивал Устинова. Тот утверждал, что его группа наносила удар в другом месте. Командир грозил трибуналом, расстрелом, но Устинов стоял на своем. Вмешался командир дивизии, заявив, что нужно тщательно разобраться.

На следующий день Георгий - уже рядовым - летел в тот же район села Хопры, где был нанесен удар по своим. При штурмовке противника его самолет был сбит, загорелся и упал в болото. Летчик с трудом вылез из самолета,

стал пробираться к своим. Неожиданно навстречу Устинову вышли трое в комбинезонах. Тот, приняв их за немцев, решил последнюю пулю пустить в лоб: лучше смерть, чем плен. Вдруг один из них так громко выругался на русском, что Георгий от радости и наган выпустил из рук. Это оказались воины нашего бронепоезда, стоявшего на станции Хопры. Они рассказали, что вчера наша группа самолетов нанесла удар по своим. Устинову дали стабилизатор бомбы АО-25, который он и принес на аэродром.

Так было доказано, что удар по своим нанесла группа Семенова, которая бомбила вчера этими бомбами. Но дело прикрыли - не до разбирательств было. Георгий принес на аэродром печальную весть: в том вылете погибли сержант Лазарев и лейтенант Евдокимов.

А вот рассказ самого Устинова:

"1 ноября 1941 года был мой двадцать шестой боевой вылет. Я увлекся штурмовкой войск противника и остался один. На высоте 900 метров: на меня набросились шесть "Ме-109". Один против шести! Закрутилась карусель над городом Азовом, которая длилась минут пятнадцать.

Позже мне рассказывали моряки, наблюдавшие бой с земли. Один "месс" подошел очень близко, дал очередь. Самолет мой задымил, а потом взорвался. Я был выброшен из самолета, но все

же удалось раскрыть парашют. Немцы пытались меня расстрелять в воздухе, но тут появились наши истребители, и они ушли. Я спустился на одной лямке, вторая сгорела. Спас меня от огня меховой комбинезон. Подлечился, и уже 17 ноября - снова в бой! Вел группу Семенов. Над целью нас встретили девять "Ме-109".. Сразу же немцы сбили двух сержантов - Алябова и Матвеева. Семенов начал уходить на бреющем, а я остался последним, крутился между "мессерами", и только вблизи нашего аэродрома они, наконец, меня бросили: наверное, у них было горючее на исходе. Когда приземлился на поляне, то увидел: нижняя плоскость лежит на земле, руль глубины и стабилизатор как пилой отпилили. Техники в бронеспинке насчитали 38 вмятин от пуль.

В тот же день в другом вылете погибли сержанты Зязин и Голубев...

К нам прибыло пополнение. Командир полка вызвал меня из санчасти и говорит, чтобы я пошел к ним и рассказал о боевой работе. Стал отказываться, ссылаясь на то, что у меня обгоревшее лицо и это удручающе подействует на молодых летчиков. Телегин тоном, не терпящим возражений, приказывает: "Не на танцы прибыли, а на войну! Пусть знают правду! Иди!" Пришлось идти. Они, правда, прижались друг к другу, как котята, но слушали внимательно. Потом летали на задание, как все".

Виктор Твердохлебов рассказывал о том, как Иван Кузнецов спас командира своего звена Дворского. Они вылетели парой на разведку.

Высота облачности была всего 100 метров. Над территорией, занятой противником, самолет Дворского был подожжен. Дворский садится на фюзеляж. Кузнецов не задумываясь садится на И-16 рядом. Дворский закинул ногу в кабину, и Кузнецов взлетает под обстрелом немцев. На аэродроме все ждали возвращения своих товарищей. Прошел час, а их нет. Значит, сбили. Вдруг услышали рокот мотора и увидели странный самолет с выпущенными шасси и горбом на фюзеляже. Тот с ходу по прямой - на посадку... За этот подвиг Кузнецов был награжден орденом Ленина, а Дворский - медалью "За отвагу".

Виктор Иванов рассказал о другом случае, когда лейтенанты Слизкоух и Плахань на И-15 под Ростовом-на-Дону штурмовали немцев и попали в подобную ситуацию. Лейтенант Слизкоух был подбит и совершил вынужденную посадку на территории, занятой противником. Лейтенант Плахань сел рядом и пытался вывезти друга, попавшего в беду. Тот отказался. Тогда Плахань предлагает ему сесть в кабину самолета, а сам решает держаться за стойку центроплана. Потрясенный происшедшим, Слизкоух опять

отказывается.

Когда через неделю был освобожден Ростов, полк перебазировался на аэродром, недалеко от того места, где произошла трагедия. Ребята ходили туда. Труп Слизкоуха, раздетый и исколотый штыками, лежал недалеко от сожженного скелета самолета И-15. Верно говорят, что нужно взять себя в руки, нервам не дать взбунтоваться, испуг пересилить. Тогда из самой безнадежной обстановки можно выйти победителем.

Помню еще один рассказ Георгия Устинова: "8 марта 1941 года произошел такой случай. Мы должны были бомбить и штурмовать немцев в районе северо-восточнее Таганрога. При подходе к цели нас атаковали "мессершмитты". На самолет сержанта Николая Гундобина устремились три "месса". В лобовой атаке он сбил одного, но два других подожгли самолет Гундобина. Самолет начал стремительно падать. Вернувшись на аэродром, доложил, что сержант Гундобин погиб: сам видел, как его самолет врезался в землю.

В то время я оставался за командира эскадрильи. Однажды меня вызвали на проходную. Там оказалась девушка, которая подала мне записку. В записке было написано: "Тов. к-р, лежу в ППГ-1 в Ростове, сильные ожоги лица, рук, чувствую себя хорошо. Николай".

"Какой Николай? Гундобин сгорел - сам видел Сели на полуторку с комиссаром эскадрильи - старшим политруком Сеньковским. Приехали Надели халаты. Сестра показывает нам на палату. Входим. Лежат четверо. Трое - не нашего полка. У четвертого лицо черное, распухшее, руки и ноги тоже черные, обгоревшие. Я посмотрел ему в глаза и подумал: "Неужели Николай? Гундобин?.."

И чуть не упал, когда он произнес: "Юра! Это я..."

Гундобин рассказал Устинову и Сеньковскому, что с ним произошло. Когда его подожгли, он хотел выпрыгнуть с парашютом, но внизу были наши наступавшие войска. На самолете бомбы, и он не мог сбросить их на своих. Выход один... Повел горящий самолет на фашистов, сбросил бомбы, развернулся и потерял сознание от ожогов. Самолет упал на землю, но Гундобина выбросило из кабины. Он пришел в себя и начал отползать от горящего самолета подальше. Вскоре самолет взорвался.

Его подобрали и отправили в госпиталь.

За этот подвиг Николай Гундобин был награжден орденом Ленина.

Алексей Глоба рассказывал, что после окончания Чугуевского авиационного училища ему присвоили звание сержанта. Осенью

1941 года попал в 590-й истребительный авиационный полк, который в то время базировался в районе Батайска.

Особенно запомнилось первое боевое дежурство: охрана железнодорожного узла от налетов вражеской авиации. Оповещения о предстоящем налете вражеских самолетов не было. Вылетали на перехват одиночных бомбардировщиков только тогда, когда видели в небе самолет противника, кружились над железнодорожным узлом, так как не могли догнать противника, который имел большую скорость, чем наш истребитель И-16. Злость брала, но что-либо изменить - не в силах!

При обороне Ростова-на-Дону полк штурмовал противника. Приходилось в то время делать до десяти вылетов в день, несли большие потери от зенитной артиллерии и истребителей противника. После освобождения города в 1941 году на одном из полевых аэродромов было захвачено несколько исправных немецких самолетов "Ме-109". Командование приняло решение: обучить группу летчиков летать на этих истребителях, чтобы изучить его сильные и слабые стороны. Создали спецгруппу, ее возглавил майор Телегин, а 590-м полком стал командовать майор Соколов.

В составе спецгруппы был и заместитель командира авиаэскадрильи нашего полка капитан Виктор Попов. Александр Иванович Покрышкин, впоследствии трижды Герой Советского Союза, летал в этой же группе. Виктор Попов быстро освоил "мессершмшт". В то очень трудное время он совершал на нем разведывательные полеты, добывая ценные сведения.

Однажды, возвращаясь на "Ме-109" с боевого задания, Попов совершил вынужденную посадку. Обычно он перелетал линию фронта на большой высоте, часто в облаках. В этот раз мотор "Ме-109" начал давать перебои над территорией, занятой противником. Летчик был вынужден планировать, перелетая фронтовую линию на низкой высоте. Немцы, видимо, подумали, что

их самолет заблудился, и сначала открыли предупредительный огонь, а затем, увидев, что тот летит на восток, - огонь на поражение. Попову все же удалось посадить самолет в поле, рядом с каким-то селом. Вскоре его окружили женщины и подростки, вооруженные "подручными средствами". Когда же они услышали, что летчик говорит по-русски, то приняли его за предателям и дело чуть не закончилось трагедией.

Спасла находчивость Попова, который начал убеждать своих "конвоиров", что он был сбит над территорией, занятой противником. Там ему, мол, удалось захватить немецкий самолет и перелететь к своим.

Вскоре прискакавшие кавалеристы отвезли летчика сначала в свой штаб, а оттуда доставили на аэродром. Он снова продолжал летать на И-15, а 25 июля 1942 года капитан Виктор Алексеевич Попов погиб в неравном бою с "мессершмиттами".

Бесспорно: немцы были лучше подготовлены к войне.

Вот что рассказывал мне после войны бывший майор люфтваффе, работник штаба 51-й истребительной эскадры 4-го воздушного флота, действовавшего на юге, о тех днях:

"Авиационной группой, куда входила и наша эскадра, командовал известный ас Мельдерс. В группу входили бомбардировщики, штурмовики, истребители, разведчики. Сам Мельдерс летал на специально оборудованном самолете "Физилер-Шторх" с мощной радиостанцией на борту. Летая вдоль линии фронта и получая данные от разведчиков о положении на ваших аэродромах, он сразу же направлял, туда бомбардировщики и штурмовики. Это давало нам возможность наносить удары по вашим самолетам, когда они только-только производили посадку".

Нужно внести ясность и о паре истребителей - первичной тактической единице. Мельдерс после возвращения из Испании написал докладную записку Герингу, в которой предлагал в звене истребителей иметь две пары (вместо трех самолетов), исходя из опыта боев с нашими летчиками. После совещания в министерстве авиации было принято решение это предложение принять и реорганизовать прежде всего истребительную авиацию. Такая работа была проведена в люфтваффе до начала второй мировой войны. Ход боевых действий во Франции и над Англией подтвердил правильность новой организации и тактики. Англичане в 1940 году обратили внимание на это новшество и тогда же внедрили его у себя.

Наши летчики с первых дней войны часто оказывались в положении, когда приходилось сражаться парой, убеждались, что "третий лишний". Но только в боях на Кубани эта тактика была официально признана и подавалась нашей пропагандой за последнее достижение отечественной военной мысли.

Советские летчики смело вступали в бой даже при многократном превосходстве противника, готовые без колебаний отдать жизнь, лишь бы польза была. После легких побед на западе асов люфтваффе удивляло упорное сопротивление наших пилотов. Своим мужеством они как бы "компенсировали" просчеты командования, нехватку и несовершенство техники.

Но уже к началу боев на Кубани в 1943 году на вооружение поступали скоростные истребители, по своим летно-техническим данным не уступавшие модернизированным "мессершмиттам" и

"фокке-вульфам", а по ряду показателей и превосходившие их. Однако многие летчики, ранее

воевавшие на И-16 и И-15, придерживались старых укоренившихся навыков пассивного боя на горизонтальном маневре, что обусловливалось недостатком скорости прежних самолетов, отсутствием радиостанций на них. Отсюда и "строй - рой" - сомкнутый боевой порядок, основой которого была зрительная связь.

Теперь применялась радиосвязь, расчлененные боевые порядки, вертикальный маневр, скоростные атаки.

На разборах полетов, специальных занятиях летчики внимательно изучали сильные и слабые стороны противника, находили его уязвимые места, что позволяло своевременно разгадывать хитрые уловки гитлеровцев и во время боя противопоставлять им свои, новые, тактические приемы.

Вот что вспоминает немецкий полковник Бакгорн, бывший командир второй группы 52-й истребительной эскадры, ас No 2, совершивший более тысячи боевых вылетов на советско-германском фронте и сбивший, по данным противника, баснословное количество советских самолетов, о наших летчиках:

"Я сражался против всех типов советских самолетов, и в том числе полученных русскими по ленд-лизу. Лучшим истребителем считаю Як-9... В начале войны русские были неосмотрительными в воздухе, действовали скованно, и я их легко сбивал неожиданными атаками, но все же нужно признать, что они были намного лучше, чем пилоты других европейских стран, с которыми нам приходилось сражаться. В процессе войны русские пилоты становились все более умелыми воздушными бойцами. Приведу пример. Однажды, в 1943 году, так получилось, что мне пришлось на "Ме-109-г" сражаться с одним русским на ЛАГГ-3. Кок его машины был выкрашен в красный цвет. Это был летчик из гвардейского полка. Это мы знали по данным нашей разведки. Бой продолжался около 40 минут, и я не мог его одолеть. Мы вытворяли на своих машинах все, что только знали и могли, и все же были вынуждены разойтись. Да, это был настоящий мастер!" (Из книги Р. Толивера и Т. Констейбла "Хорридо", вышедшей в США в 1976 году, с. 136).

И вот полк нового состава построен для встречи командира, который прибыл из Москвы после учебы на краткосрочных курсах.

Поздоровавшись, гвардии подполковник: А. Д. Соколов медленно прошел вдоль строя, сосредоточенно всматриваясь в лица. Его внимательные глаза как бы пронизывали каждого. Затем обратился к нам с краткой речью:

- Высокое звание гвардейского 590-й полк завоевал в тяжелейших боях ценой многих жизней. Мы всегда должны помнить боевые подвиги однополчан, брать с них пример. Победа достигается в боях настойчивым трудом. Нужно изучить свое новое оружие только "на отлично". Полку предстоят сражения с ненавистным врагом, а побеждать его могут только мужественные и умелые воины... В ближайшее время я постараюсь познакомиться с каждым из вас лично...

Внешне Соколов ничем особенным не выделялся: роста невысокого, щупленький. Но это был опытный и смелый командир.

Однажды я проводил занятия с воздушными стрелками в тире. Занимались прицеливанием по макетам вражеских истребителей. Командир полка внимательно наблюдал за действиями воздушных стрелков, задавал вопросы.

В тот же день он вызвал меня, внимательно расспрашивал о моей службе в качестве оружейника, об учебе в институте, о родных, о подготовке воздушных стрелков. В конце беседы сказал:

- Нужно так подготовить воздушных стрелков, чтобы они не допускали "мессершмиттов" к нашим "илам". Основная фигура в экипаже - летчик. Но когда начинается воздушный бой, стрелок становится щитом экипажа. Огонь, который он ведет из крупнокалиберного пулемета, является защитным барьером штурмовика, и ни один вражеский ас не осмелится к нему приблизиться.

В групповом строю коллективный огонь воздушных стрелков является надежной обороной с задней полусферы. Что же касается передней обороны, то огонь, открываемый летчиком из двух пушек и двух пулеметов, создает неприступный барьер для истребителей противника.

Затем объявил, что берет меня в свой экипаж стрелком и надеется, что я приложу все силы для подготовки воздушных стрелков полка.

Александр Дмитриевич был доступным и одновременно требовательным командиром. Иногда он заходил к нам в казарму, слушал игру на баяне воздушного стрелка Владимир Тарасова. Затем брал баян и сам играл. Часто ребята просили его рассказать о боях в Испании, о летчиках-добровольцах. Теперь об этом известно из книг, а тогда перед нами выступал очевидец тех событий.

Запомнился рассказ, как восторженно встречали жители Мадрида наши самолеты, которые вели воздушный бой прямо над городом. Тогда группа, где был и Соколов, разгромила армаду фашистских бомбардировщиков, пытавшуюся бомбить

беззащитный город.

Он рассказывал, как наших летчиков на аэродроме под Мадридом приветствовал командующий республиканской авиацией. Тот говорил, что враг бомбардирует Мадрид, горожане живут в страхе и ложатся спать без надежды увидеть утреннюю зарю. Республике нечем отражать налеты итало-германской авиации. На вас все надежды, друзья-интернационалисты, на вас смотрит Мадрид, старики, женщины и дети!..

Однажды Соколов шел на посадку после жаркого воздушного боя, самолет был поврежден и при посадке разбился. Резервных машин не было. Командир эскадрильи Сергей Тархов направил его на наблюдательный пункт, который находился на 14-м этаже здания "Телефоники" - самого высокого тогда здания Мадрида. Там ему вручили бинокль и оптическую трубу на треноге. Оттуда он докладывал по телефону на аэродром свои наблюдения о передвижении фашистов, о появлении вражеских самолетов, артиллерийских батареях.

Рассказал командир и о том, как в ноябре 1936 года над аэродромом пронесся трехмоторный "юнкерс". С самолета на парашюте был сброшен ящик. К нему не решались подходить: а вдруг там бомба с часовым механизмом? Через пару часов смельчаки все же подошли и вскрыли ящик.

Внутри, в завязанной простыне, лежали останки изрубленного человека, обрывки одежды, а сверху записка на испанском: "Этот подарок посылается командующему воздушными силами красных, чтобы знал, какая судьба ожидает его и всех большевиков".

Погибшим был командир отряда республиканской авиации Хосе Галарс, он же Владимир Бочаров из эскадрильи капитана Антонио (псевдоним Сергея Тархова).

Летчики, участвовавшие в воздушном бою, рассказывали, что Владимир Бочаров смело вступил в схватку с пятью немецкими истребителями "Хенкель-51" и сбил одного. Как потом стало известно, самолет Бочарова был поврежден, сам он ранен. Произвел вынужденную посадку на территории, занятой фашистами, близь города Сеговия...

Мы слушали командира затаив дыхание.

За бои в Испании Александр Дмитриевич был награжден орденом Красного Знамени, а за бои под Ростовом - орденом Ленина.

Он пришел в авиацию в те времена, когда профессия летчика была овеяна ореолом романтики и таинственности. Слова "авиация", "эскадрилья", "летчик" звучали для него, как музыка. В те годы авиацией бредили многие мальчишки.

Тогда-то и появился призыв: "Комсомол, на самолет!"

Увлечение авиацией было массовым, но не всем желающим выпадала честь стать летчиком.. Профессия авиатора требовала от человека беспредельной смелости, мужества, собранности, умения сконцентрировать свою волю. Не каждый может повседневно рисковать жизнью, переносить тяжелые лишения и, несмотря на это, каждый раз вновь испытывать радость полета.

Служба в авиации воспитывала и развивала в людях особые качества.

Наш командир часто повторял:

- Помните, смелость, отвагу надо сочетать с осторожностью, с разумным риском. Не допускать ошибок. Ошибка, просчет в бою - это гибель. А вам нужно победить врага и уцелеть самим.

Под руководством таких командиров, как Соколов, наши авиационные части становились подлинной школой боевого мастерства.

Война - суровый учитель. Она учит беззаветной храбрости и самопожертвованию. Заставляет дорого оплачивать любую ошибку. Война - это жестокая проверка каждого, крах дутых авторитетов и быстрое выдвижение талантов.

Человек на поле боя, оказавшийся, волей или неволей, перед необходимостью убивать себе подобных и умирать самому, в этот миг вынужден решать многие вопросы. Честь и бесчестье, верность и предательство, любовь и ненависть, храбрость и трусость, умение победить - все нравственные проблемы завязываются здесь в тугой узел.

Две победы над Эльтигеном

К сентябрю 1943 года в Ставрополе летчики нашего полка основательно овладели техникой пилотирования на "илах", научились бомбить, стрелять из пушек и пулеметов, а воздушные стрелки - из крупнокалиберного пулемета. В Куйбышеве, на авиационном заводе, получили новые двухместные Ил-2, перегнали их в Ставрополь. Заместитель командующего 4-й воздушной армией генерал Слюсарев вручил полку гвардейское знамя.

Александр Дмитриевич Соколов от имени всех гвардейцев заверил командование воздушной армии, что полк выполнит поставленные перед ним задачи.

Как известно, в результате крупных стратегических успехов Красной Армии на Украине Кубанский плацдарм, оборонявшийся 17-й немецко-фашистской армией, оказался в глубоком тылу, за южным крылом наступающих советски войск.

Над находившимися на плацдарме 12 пехотными и одной кавалерийской дивизиями вермахта нависла угроза уничтожения.

В этих условиях Гитлер был вынужден отдать приказ об отводе с Кубани своих войск, чтобы использовать их для обороны Крыма. При отходе он требовал придерживаться тактики "выжженной земли". Чтобы сорвать эти планы, советские войска 16 сентября штурмом овладели городом и портом Новороссийск, а 9 октября весь Таманский полуостров был очищен от противника.

На основании исследований историков, а также подлинных немецких документов необходимо признать, что противнику удалось отвести с Таманского полуострова в Крым многочисленную боеспособную 17-ю армию и подчиненные ей румынские войска без значительных потерь.

Начальник штаба этой армии генерал-майор фон Ксиландер докладывал в группу армий "А" 9 октября 1943 года, что за период с 1 февраля по 7 октября 1943 года 17-я армия потеряла на Кубанском плацдарме убитыми, ранеными и пропавшими без вести 59 463 человека, и в том числе четырех генералов - командиров дивизий. Сюда не входят потери их авиации и военно-морского флота (Д. 03/26185, л. 47).

Советские войска провели в этом районе шесть наступательных операций. Успехи под Сталинградом, на Кавказе, прорыв блокады Ленинграда породили у нашего командования настроения о неизбежности отхода немцев при давлении на фронтах. В действительности противник был еще очень силен.

Советские войска производили перегруппировку войск и готовились освободить Крым.

Наш 43-й гвардейский в полном составе перелетел на полевой аэродром севернее станицы Славянской.

В один из дней над аэродромом пролетел По-2, развернулся и пошел на посадку. К командному пункту подрулил самолет, из кабины вылез генерал. Это был командир нашей дивизии С. Г. Гетман.

Командир полка подошел к нему и четко доложил:

- Товарищ генерал! Личный состав 43-го гвардейского штурмового полка готов к выполнению боевой задачи!

Генерал спросил Соколова:

- Чем занимаются сейчас люди?

Тот доложил, что летный состав изучает район предстоящих боевых действий. Занятия проводит штурман полка капитан Коновалов, а технический состав под руководством инженера полка еще раз проверяет готовность техники и оружия.

Они ушли на КП.

Вскоре последовала команда: собрать весь летный состав. Летчики и воздушные стрелки построились поэскадрильно.

Генерал Гетман поздоровался.

- Здравия желаем, товарищ генерал! - дружно ответили стоявшие в строю.

Затем Семен Григорьевич выступил перед нами:

- Товарищи! В состав нашей 230-й Кубанской штурмовой авиадивизии снова возвратился 43-й гвардейский, бывший 590-й штурмовой полк. Я не вижу в строю тех, кто завоевал это звание. Тогда они летали на И-15 - "бисах", штурмовали врага геройски, а командование дивизии не могло выделить им истребителей для прикрытия. Их не хватало или совсем не было, а врага нужно было задержать. И задерживали, часто ценой собственной жизни. Когда я узнал, что 43-й гвардейский готов к новым боям, теперь уже на двухместных "илах", я просил командующего 4-й воздушной армией Константина Андреевича Вершинина возвратить полк в 230-ю дивизию. (Просьбу уважили. Думаю, что вы будете достойными продолжателями боевых традиций. Враг уже выброшен с Кубани, и мы его изгоним из Крыма...

Генерал рассказывал об умелой работе штурмовиков, разбирал и неудачные действия. Летчики задавали вопросы, генерал отвечал, завязалась непринужденная беседа.

Слушая командира дивизии, я узнал в нем того капитана в летной форме, с которым часто ездил в одном трамвае в Харькове. Обычно он садился в конце Сумской улицы. Трамвай шел в лесопарк. Там находился Харьковский авиационный институт, где я тогда учился, а не очень далеко от него размещалась авиационная часть.

Перед войной Гетман командовал в Харькове 4-м штурмовым авиаполком, имевшим на вооружении самолеты Ил-2. Таких машин тогда было очень мало. В первые же дни войны полк принял участие в боях, прошел путь отступления с боями до предгорий Кавказа. Летчики штурмовали врага, наносили ему огромные потери, но и сами часто погибали: тогда Ил-2 был одноместным, воздушного прикрытия почти не было. Полк заслужил звание гвардейского, а его командиру подполковнику С. Г. Гетману было присвоено звание Героя Советского Союза. Затем 7-й гвардейский (бывший 4-й штурмовой) принимал участие в боях на Кубани.

В нашу 230-ю Кубанскую штурмовую дивизию теперь входили четыре штурмовых (7-й и 43-й гвардейские, 210-й и 103-й) и 979-й истребительный полки.

В то время в Крыму находились в распоряжении командующего 17-й армии Енеке следующие войска: переправившиеся в Крым с Таманского полуострова немцы, румыны и так называемые вспомогательные войска (комплектовались из бывших военнопленных, местных

националистов, предателей) общей численностью 271 тысяча человек; войска так называемого командующего войсками Крыма (немцы, румыны, словаки, другие союзники немцев и предатели разных национальностей) общей численностью 98 тысяч человек.

Таким образом, Енеке, став одновременно и командующим войсками Крыма, имел 369-тысячное войско, не считая личный состав люфтваффе и ВМС, которые ему непосредственно не подчинялись, но тесно взаимодействовали по приказу Верховного командования вермахта. (Д. 03/26185, л. 43-44; д. 05/28598, л. 584).

В конце октября 1943 года 43-й гвардейский полк начал боевые действия с аэродрома у хутора Ханькова. Первую шестерку штурмовиков повел опытный летчик Тамерлан Каримович Ишмухамедов.

Я летел с ним воздушным стрелком. Это был мой первый боевой вылет. Взяли курс на запад. Группе поставили задачу: нанести бомбовый удар по артиллерийским позициям противника на Керченском полуострове, откуда немцы вели огонь по нашим войскам, находящимся на косе Чушка.

Вот мы над аэродромом базирования наших истребителей прикрытия. Четыре ЛАГГ-3 пристроились и заняли боевой порядок. Одна пара - непосредственное прикрытие, другая - сковывающая. Группа непосредственного прикрытия взаимодействовала со штурмовиками, а в случае необходимости мы, стрелки, прикрывали своим огнем "лаги".

Впереди Керченский пролив. За ним - гора Митридат. У ее подножия раскинулась многострадальная Керчь. Над Керчью идет воздушный бой. Берем немного севернее и, маневрируя, снижаемся. Уходим от разрывов вражеских снарядов то вправо, то влево. Летчики пускают эресы, а затем дружно пикируют и сбрасывают бомбы на артиллерийские позиции. Не прекращая стрелять из пушек и пулеметов, отворачиваем в море и берем курс на Тамань.

Первый вылет удачный: на аэродром вернулись все. Правда, на некоторых машинах оказались пробоины, но техники вместе с ремонтниками быстро их залатали. Благополучно совершили вылеты и другие группы.

Впечатлений от первого боевого дня было много, и мы оживленно обменивались ими.

Утром 1 ноября стало известно, что холодной штормовой ночью с 31 октября на 1 ноября 1943 года десант 318-й Новороссийской дивизии погрузился на военные корабли и катера и высадился у рыбачьего поселка Эльтиген, южнее Керчи. В операции участвовало сто судов разных типов, сведенные в

шесть отрядов, которые должны были высадить части этой дивизии под командованием полковника В. Ф. Гладкова, а также два батальона морской пехоты. Форсировали Керченский пролив в самой широкой его части, превышающей 16 километров.

Артиллерию буксировали на плотах, но поднялся сильный шторм, и плоты начали тонуть. Пришлось рубить тросы и жертвовать пушками. Сорванные с якорей, вражеские морские мины каждое мгновение грозили кораблям гибелью, так как их трудно было заметить в темноте, а судовые огни не зажигались. Неимоверно трудно высаживать десант в тихую погоду под бешеным огнем противника, а теперь это нужно было делать в шторм.

Многие легкие мотоботы и бронекатера волной выбрасывало на берег, другие суда, поврежденные огнем, потеряли управление и утонули. Но все же около 2500 десантников вступили на крымскую землю. Остальная часть десанта возвратилась на базу.

Хочу сделать здесь небольшое отступление b рассказать о причине гибели одного из катеров с десантниками в ту ночь. Об этом тоже нужно знать.

Просматривая документы разведотдела 5-го немецкого армейского корпуса, который в тот период действовал на Керченском полуострове, я обратил внимание на допрос перебежчика (фамилию указывать не буду). Предатель рассказывал, что осенью 1941 года он сдался в плен. Там его завербовали, обучили диверсионной работе, перебросили в наш тыл с поддельными документами советского офицера. Ему удалось внедриться в артиллерийскую часть, а затем стать командиром минометной батареи стрелкового полка. Перед высадкой на Эльтиген на таманском берегу он подложил в ящики с минами взрывное устройство. Эти ящики были погружены на один из катеров, где размещался штаб его части. Во время переправы через Керченский пролив в Эльтиген катер взорвался, и люди погибли. Мерзавец бежал и, наверное, продолжал дальше делать свое гнусное дело. (Д. 03/26186, л. 186-188).

В целом же командование 18-й армии к утру не имело точных сведений о положении десанта в Крыму.

Утром и днем 1 ноября враг пытался сбросить десант в море. Это видели летчики и сообщали по радио, что десантники сражаются. На помощь им была брошена авиация, в том числе и наш полк. На Эльтиген шестерку Ил-2 опять повел Тамерлан Ишмухамедов.

Вот и Керченский пролив. Внизу коса Тузла, а далее, весь в огне, Эльтиген. К берегу идут мелкие суда. По ним стреляет вражеская артиллерия. Летим со снаряжением. Облачность

низкая, море штормит. Выскочив на сушу, открываем огонь по атакующей пехоте противника. Хорошо видно, что от Керчи движутся резервы. Тамерлан ведет группу к наступающим танкам, командует:

- Бомбы сбрасывать на танки, потом штурмовать пехоту!

После бомбометания наблюдаем костры - три танка горят. Снижаемся, расстреливаем пехоту. Еще заход! Мы уже так низко, что влдно, как в контратаку устремляются моряки, сбрасывая на бегу бушлаты. После третьего захода Тамерлан командует: "Все, хватит! Сбор над проливом!" В это время с запада появляются немецкие истребители, за ними бомбардировщики, а через пролив с Кубани летят наши бомбардировщики, штурмовики и истребители.

Над Эльтигеном самолетов - как стая ворон. Мы над проливом. Под нами суда с десантниками, держат курс на Эльтиген. Вот и Таманский полуостров: стало веселее. Мы садимся на свой аэродром. Техники вытаскивают из кабины раненого стрелка Александра Калтыгина, уносят в медпункт. Вечером вместе с товарищами пошли в санчасть. Там был командир полка. Полковой врач Лейбо считал, что необходимо ампутировать ногу. Калтыгин умолял этого не делать. Командир решил срочно отправить Калтыгина на санитарном самолете в армейский госпиталь в Краснодар.

Через четыре месяца Калтыгин из госпиталя прибыл снова в полк. Нога у него плохо сгибалась, но он настоял отправить его в полк, доказывал врачам в госпитале: он может воевать воздушным стрелком.

Потом Саша нам признался, что в армейском госпитале он "сразил" медкомиссию, сказав им, что в нашей дивизии на По-2 летает бывший летчик-штурмовик 7-го гвардейского полка Виктор Шахов, у которого отняты ступни обеих ног. Ну, а ему, Калтыгину, можно и нужно летать, тем более во второй кабине.

В то время как Эльтигенский десант, ведя тяжелые бои, оттягивал на себя основные силы керченской группировки врага, северо-восточнее Керчи уже 2 ноября сражался другой наш десант, который закрепился и с боями начал успешно продвигаться к Керчи.

Авиация 4-й воздушной армии поддерживала наземные войска на обоих плацдармах.

На земле и в воздухе шли упорные бои, полк делал вылеты на поддержку обоих десантов, уцепившихся за крымскую землю.

Во второй половине дня 2 ноября 1943 года на старте стояла шестерка наших "илов" в боевой готовности. Группу должен вести штурман полка майор Коновалов. Вылет задерживался. Теплилась

надежда: авось его не будет, ведь боевой день закончился. Вдруг из командного пункта выбегает начальник оперативного отдела капитан Персианов и кричит: "Вылет - Эльтиген!"

Вместе с летчиками группы на аэродроме находился командир полка Соколов. Самолеты начали взлет, последним шел младший лейтенант Мансур Зиянбаев, скромный двадцатилетний парень. Это его второй боевой вылет. Стрелком к нему пришел после госпиталя сержант, фамилию его не помню. Так вот, этот горе-вояка выскакивает из самолета и орет: "Не полечу!", падает и катается по земле в истерике.

Командир полка потряс кулаком: "Вон отсюда!" Затем, увидев меня, приказал: "Парашют!"Я схватил парашют, подбежал к самолету Зиянбаева. Мансур сидел в кабине. Он отрешенно посмотрел на меня.

- Все в порядке, Мансур, пошли на взлет,- сказал я ему как можно спокойнее, забравшись во вторую кабину.

Самолет взлетел, и мы начали догонять группу. Только над аэродромом истребителей прикрытия Мансур догнал группу и занял место

замыкающего.

Подошли к Керченскому проливу. Над Эльтигеном дым, взрывы снарядов, бомб.

В воздухе носятся истребители - воздушный бой. Падают сбитые самолеты. Мы с ходу сбрасываем бомбы, снижаемся и, стреляя из пушек и пулеметов, проходим вдоль плацдарма. С земли по нам бьют из всех видов оружия. На нас устремляются "мессершмитты", но прикрытие на месте, и мы благополучно выходим из боя.

Самолет Зиянбаева, как часто бывает в группе с замыкающим, отстал. Для немцев такие самолеты - подарок, их сбивают в первую очередь. Я открыл огонь по атакующим нас двум "мессершмиттам", отбил атаки. Это их не остановило. В наш самолет попало несколько пуль крупнокалиберного пулемета, не причинив особого вреда, но СПУ (самолетное переговорное устройство) отказало. Поэтому летчик не мог слышать мои команды и делать маневры при отражении атак вражеских истребителей. К тому же нас прикрывал только один "лагг", хотя и делал свое дело мастерски.

Немцы прекрасно понимали свое преимущество и, видимо, решили с нами разделаться окончательно. Они парой пошли в атаку на Зиянбаева, а тот почему-то стал уходить по прямой на максимальной скорости - как раз то, что и нужно "мессам".

Я взял в прицел ведущего, и когда он приблизился к нам метров на двести, нажал на гашетку. Видимо, попал. "Мессер"

взмыл вверх, где его сразу настиг идущий мне на помощь "лагг" прикрытия. За самолетом потянулся черный шлейф. Увлекшись ведущим "мессершмиттом", я упустил его ведомого. Тот, не теряя времени, подобрался ко мне снизу и попал в "мертвое пространство".

Сделаю разъяснение. Немецкие истребители старались подойти к нам на близкое расстояние и только тогда открывать огонь из своих пушек, так как Ил-2 имел броневую защиту жизненных центров самолета и поразить его можно было только с близкого расстояния.

"Мертвое пространство" - это такое положение самолета, когда нельзя стрелять по противнику, так как он находится вне обстреливаемой зоны. Это происходит вследствие того, что турельная установка, на которой установлен крупнокалиберный пулемет, имеет ограниченный угол стрельбы. Чтобы увеличить угол стрельбы, необходимо четкое взаимодействие летчика и воздушного стрелка. Летчик эволюциями самолета дает возможность стрелку вести огонь, не допуская захода вражеского истребителя под "хвост" машины.

Опасность всегда страшна своей неожиданностью. Когда в "мертвом пространстве" нашего самолета оказался "мессершмитт", а летчик на мои команды не реагировал, мне стало ясно: конец. Тогда я решился на немыслимое - стрелять через фюзеляж собственного самолета, как, читал когда-то в газете, поступил стрелок-радист бомбардировщика. Да, можно перебить тяги рулей, и тогда самолету один черт хана. Но раздумывать было некогда. Все произошло мгновенно. Я прошил пулеметной очередью фюзеляж своего самолета. Зиянбаев тут же среагировал, посчитав, что самолет достала очередь незамеченного им немца, моментально скользнул влево. Это нас спасло: короткая очередь "месса" не задела, но зато он напоролся на мою. Это была длиннющая очередь отчаяния, от которой пулемет захлебнулся и отказал, а немец, перевернувшись на спину, устремился к земле.

Только сейчас возле нас появился "лагг"-одиночка, но дело уже сделано.

Что я перечувствовал в те секунды? Сложно ответить. Что может чувствовать человек, вернувшийся, можно сказать, с того света и отправивший туда вместо себя противника? И тут же, с ужасом посмотрев на изрешеченный фюзеляж собственной машины, решил проверить, не задеты ли тяги рулей: при пилотаже они могут легко оборваться, и самолет свалится на землю.

Я раскрыл "райские ворота" (так шутя мы называли бронированные створки, прикрывавшие кабину стрелка) и полез

смотреть тросы. К счастью, все оказалось в порядке, и я вернулся в кабину.

Надо мной то и дело возникал "лагг", летчик делал рукой знаки; видимо, хотел что-то сообщить. Но что? Начал размышлять, что я сделал не так? Стал себя ругать: "Растяпа, повредил собственный самолет..."

Сели благополучно на своем аэродроме. Зиянбаев зарулил на стоянку. Я заметил, что перед нами приземлился тот "лагг", что сопровождал нас. Вылез из кабины вслед за Мансуром. Мы посмотрели друг на друга и на развороченный фюзеляж самолета.

- Что, хороша прекрасная маркиза? - спросил Мансур, и мы побрели на КП. У входа стояли командир и... Владимир Истрашкин. Так вот кто прикрывал нас!

Зиянбаев доложил о выполнении задания, а я не очень связно - о "мертвом пространстве", поврежденной машине, "мессерах".

- Ничего, машину исправим, - похлопал меня по плечу командир.

В разговор вступил Истрашкин:

- А я смотрю - в воздухе вроде знакомая личность...

- Вы знакомы? - спросил Соколов Истрашкина.

- Еще с Дальнего Востока. Это же наш бывший оружейник. Молодец! Лихо срубил "месса"! - обнял меня Истрашкин.

Подошли еще ребята, и начались расспросы.

Наступали сумерки. Истрашкин распрощался и улетел на свой аэродром. Из нашей шестерки "илов" на аэродром возвратились только три, а три были повреждены, сели на других аэродромах. Как потом выяснилось, в этом боевом вылете был ранен в руку воздушный стрелок Николай Храмов. Его летчик произвел посадку на попутном аэродроме, чтобы скорее оказать ему врачебную помощь.

Стрелка, закатившего истерику перед боевым вылетом, под трибунал не отдали. Командир полка рассудил по-другому. До того, как сесть в самолет, воздушный стрелок воевал в пехоте, был тяжело ранен, в авиацию попал случайно. Какой с него спрос? Откуда пришел, пусть туда и возвращается. И отправил его в пехоту.

Если десант под Еникале кое-как продвигался вперед, то на Эльтигене обстановка сложилась крайне сложная и напряженная.

Немцы ввели в бой и все свои наличные силы флота. На вооружении они имели быстроходные десантные баржи. На этих баржах немцы готовились перевозить свои войска в Англию, но так как эта десантная операция была отложена до "победы над Россией", то их перебросили по Дунаю на Черное море. Немцы пытались высадить на этих баржах свой десант на Эльтиген в тыл

нашим войскам. Это им не удалось, но все же они блокировали Эльтигенский десант с моря. Снабжать всем необходимым десантников могли только летчики.

Иногда удавалось прорваться к Эльтигену и нашим катерам, но особая надежда была на авиацию.

Ночами сбрасывали боеприпасы и продовольствие летчицы 46-го гвардейского полка, днем - "илы". Но это были крохи. Штурмовики старались сделать максимальное количество заходов, чтобы прижать вражескую пехоту к земле, как можно дольше не давать возможности подниматься ей в атаку. Противник тоже не оставался в долгу, бросил на Эльтиген почти всю свою авиацию, стараясь во что бы то ни стало уничтожить десант.

В эти дни проявил себя экипаж Ил-2 нашего полка: летчик лейтенант Константин Атлеснов и воздушный стрелок сержант Александр Рогоза. Под непрерывным огнем противника "ил" носился над врагами, поливая их свинцом из пушек и пулеметов. Атлеснов сделал шесть заходов и, только расстреляв все боеприпасы, вышел из боя.

Командование десанта прислало радиотелеграмму командованию 4-й воздушной армии, в которой просило передать искреннюю благодарность героическому экипажу от имени всех воинов десанта, указав бортовой номер самолета Атлеснова.

А на следующий день в воздушном бою над Эльтигеном Константин Атлеснов сбил "Ме-109".

2 декабря 1943 года, в период наивысшего накала борьбы, группу на Эльтиген повел командир эскадрильи капитан Андреев. Слева от него летел Шупик, далее Назаров, Казаков, Кравченко.

На юго-западе едва просматривалась в тумане шероховатая поверхность моря. Вот перед нами обрывистый берег восточной части Керченского полуострова. Ударили зенитки, все пространство вокруг наших самолетов стало кудрявым от разрывов.

Группа сделала противозенитный маневр, проскочила зону интенсивного огня. И вот цель перед нами. Видны прямоугольники вражеских танков. В этот момент над кабиной самолета Григория Шупика разорвался зенитный снаряд. Показалось, треснуло и раскололось небо. Едва удержал тяжело груженный самолет. Ведущий командует:

- Внимание - за мной! Не отрываться! - и пикирует на танки с белыми крестами. Остальные - за ним.

Минута - и на земле взметнулись черные жлубы дыма с яркими прожилками огня. Три танка горят, один перевернут.

- Еще заход по артбатарее!

Развернулись. На расположение вражеской батареи понеслись реактивные снаряды, очереди из пушек и пулеметов. Шупик попал в автомашину с боеприпасами, и вмиг ее как не было. Вдруг самолет Андреева резко перевернулся на спину и, стремительно падая, врезался в землю. Не иначе, напоролся на зенитный снаряд. Тут помочь невозможно: снаряд не истребитель, его не видно.

А зенитных средств немцы имели в Крыму предостаточно. Мало того что были задействованы все штатные дивизионы 5-го армейского корпуса и приданных ему частей, на Керченском полуострове действовали и части 9-й зенитной дивизии люфтваффе.

После войны мне пришлось читать изданную в ФРГ книгу бывшего командира этой дивизии генерал-лейтенанта В. Пиккерта "От Кубанского плацдарма до Севастополя".

Это был сильный и умный противник. Дивизия ранее входила в состав 6-й армии Паулюса, была в "котле". К концу сражения под Сталинградом остатки личного состава и артиллерия дивизии были переданы другим частям, а штаб дивизии на самолетах переброшен на Кубань. Здесь дивизия была воссоздана под тем же номером за счет пополнения из Германии.

Имея на вооружении крупно-, средне- и мелкокалиберные пушки, противник мог вести прицельный и заградительный огонь на разных высотах. Счетверенные 20-миллиметровые пушки были установлены на самодвижущихся лафетах. Хорошо организованное взаимодействие по радио между истребителями и зенитчиками с командных пунктов давало возможность немцам встречать советские самолеты заградительным огнем. Радарные установки своевременно предупреждали их о подходе нашей авиации. Для усиления зенитной обороны своих войск немцы имели железнодорожный состав, на платформах которого находились зенитные орудия, а также подвижные батареи на автотяге.

Согласно немецким документам в этой действовавшей в Крыму моторизованной зенитной дивизии было 779 стволов и 196 прожекторных установок. Командир дивизии был одновременно и командующим всей зенитной артиллерией в Крыму.

На Керченском полуострове действовал тогда 27-й зенитный полк этой дивизии. Ему подчинялось девять дивизионов и четыре прожекторные роты. Командир полка был одновременно и начальником зенитной артиллерии 5-го армейского корпуса (Д. 05/28597, л. 280; д. 03/23455, л. 692).

По нашим низко летящим самолетам вели огонь также из

пулеметов, автоматов и винтовок.

Нам, штурмовикам, снижающимся до бреющего, приходилось пролетать через сплошное море огня. Не было случая, когда бы прилетали на аэродром без пробоин.

Помню день 22 ноября. Приземлился подбитый Ил-2. Во второй кабине весь в крови лежал убитый осколком зенитного снаряда стрелок Виктор Данилович Барсачев.

В начале декабря 1943 года положение Эльтигенского десанта стало критическим: немцы блокировали десант с моря, не хватало боеприпасов, продовольствия, людей. Авиация помогала десантникам: днем и ночью наносились удары по врагу, сбрасывались боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

Там же, в небе Эльтигена, совершили подвиг авиаторы Черноморского флота - командир эскадрильи штурмовиков лейтенант Борис Воловодов и воздушный стрелок, парторг эскадрильи Василий Быков. После штурмовки противника, когда кончились боеприпасы, командир эскадрильи увидел фашистские бомбардировщики, летевшие бомбить позиции эльтигенцев. Видя опасность, нависшую над десантниками, которые отбили уже девятнадцать атак в этот день, Воловодов направил свою машину прямо в лоб гитлеровскому бомбардировщику.

Воздушный таран придал силы защитникам Эльтигенского плацдарма. В радиограмме командованию эльтигенцы просили представить летчика к званию Героя Советского Союза. Посмертно лейтенант Б. Н. Воловодов был удостоен этого высокого звания.

Об этом подвиге спустя тридцать лет после войны мне рассказывал очевидец - участник Эльтигенского десанта, бывший моряк, старшина Севостьянов Григорий Васильевич. Мы встретились с ним вместе в поселке Героевское, как теперь его называют. Для нас же этот поселок остался Эльтигеном.

Капитан 2 ранга в отставке Севостьянов приехал на это место со своей супругой Надеждой Васильевной, тоже участницей войны, чтобы поклониться праху своих боевых товарищей.

Он рассказывал:

- Вот здесь, где мы сейчас стоим, лежали десятки раненых десантников, ожидая чуда, надеясь, что сюда удастся прорваться нашим катерам. Я тоже был раненный, тоже лежал и смотрел в небо. Уже было отбито девятнадцать атак противника, началась двадцатая по счету в тот день атака. Штурмовики Ил-2 сорвали и эту, последнюю, атаку немцев. Я увидел немецкие бомбардировщики, которые шли на наши позиции. "Ильюшины" пошли в атаку на бомбардировщики как истребители. Наверное, у них уже было мало боеприпасов, так как они до этого момента

беспрерывно атаковали немцев и румын. Вдруг раздался огромной силы взрыв. В воздухе столкнулись два самолета. Наш Ил-2 врезался в немецкий бомбардировщик на встречном курсе. Немец не смог увернуться. Оба самолета разлетелись на куски. В метрах пяти от меня упало колесо самолета. Не знаю - нашего или немецкого. Удивительно - упавшее колесо никого не задело. Стрельба сразу затихла, и наступила непривычная для Огненной земли тишина.

Все были потрясены высшим классом героизма на глазах тысяч, сцепившихся в смертельной схватке. Наверняка, немцы и румыны поняли, что нас сегодня не одолеть.

Той ночью к берегу все же удалось прорваться нескольким нашим катерам. Очнулся я уже в госпитале на Тамани...

Во время рассказа Севостьянова к нам подошел мужчина, бледный, сутулый, сильно измученный, видно, тяжелой болезнью. Опершись на палку, внимательно слушал рассказ моряка, за тем вступил в разговор:

- А мне пришлось здесь испить чашу до дна. Раненный, лежал вон там, в окопе. Настал час идти десантникам на прорыв. Навестили нас, раненых, командиры и объяснили положение: взять тяжело раненных с собой нельзя. Да мы и сами понимали это... Только просили оставить нам хотя бы немного боеприпасов и гранат. Оружия было достаточно: десантники гибли, и оружие оставалось часто исправным. Худо было с боеприпасами. Мы, которые могли еще держать оружие, дали слово, что будем огнем отвлекать врага, а вы, ребята, прорывайтесь!

Десант ночью прорвался в Керчь, а на наши позиции немцы еще два дня боялись идти. Наверное, у них не было полной ясности, что здесь осталось около двух тысяч раненых, большинство из них тяжело. Мы продолжали стрелять. Конечно, в контратаки не ходили, но стреляли до последнего патрона.

Когда фашисты ворвались в Эльтиген, то они всех тяжелораненых перестреляли, а вернее, перекололи штыками, а тех, кто мог передвигаться, согнали в лагерь.

Об этом рассказывать, вспоминать страшно. На нас приходили смотреть немцы и румыны. Удивлялись, как мы могли так долго сражаться...

К сожалению, я не записал фамилию десантника.

5 декабря группу на Эльтиген повел Ишмухамедов. Я летел с ним.

Над аэродромом облачность была низкая, метров триста. Наверное, каждый думал, как бросать бомбы, если ниже четырехсот метров снижаться не рекомендовалось во избежание самопоражения. Надежда была, что в районе цели облака повыше.

Так и оказалось: над проливом самолеты начали подниматься вверх. Впереди - Огненная земля. Над Эльтигеном вспышки взрывов и клубы дыма. Там "работают" другие группы наших "илов", истребители ведут воздушные бои.

Тамерлан командует:

- Противозенитный маневр! Атакуем группой с ходу!

Пробиваемся сквозь заградительный огонь. Группа сбрасывает бомбы на танки и пехоту южнее поселка. Мне хорошо видны действия всей группы. Сбросив бомбы, Тамерлан направляет огонь эресов и пушек на зенитную батарею, давит ее. Мы на бреющем проносимся вдоль переднего края. Остальные - за нами. Несутся с огнем пушек и пулеметов.

Вдруг самолет вздрагивает. В правой плоскости огромная дыра. Тамерлан выравнивает самолет. Мы уже над нашим плацдармом. У кромки моря - разворот, и снова на врага. Справа и слева шапки разрывов снарядов. И тут же как обрезало: зенитки прекратили огонь, в атаку устремились "мессершмитты". Мы все, стрелки "илов", ведем по ним огонь.

Вижу такую картину: замыкающего из нашей группы Ил-2 атакуют два "месса". Стрелок ведет огонь по одному из них, я немедленно открыл огонь по второму.

Один из "мессершмиттов", по которому я стрелял, отвалил в сторону, второй продолжал наседать, но я не мог достать его: Тамерлан маневрировал с размахом. Наконец и этот "мессершмитт" оказался в моем прицеле. Всего 100 метров! Я всадил в него очередь, "месс" перевернулся и упал в Чурбашское озеро.

Тамерлан по СПУ:

- Молодец! Следи за группой!

- Все вроде на месте, но замыкающий, кажется, подбит.

Снова команда Тамерлана:

- Подтянуться! Сомкнуть строй!

Мы летим на низкой высоте, а замыкающий и того ниже, вот-вот коснется винтом волны, идет прямо на баржу. Да, делает посадку на воду. Брызги - и смыкаются над "илом" черноморские волны.

На аэродроме производят посадку только пять "илов". К нашему самолету подъехал на стартере командир полка. Тамерлан докладывает ему о выполнении задания, о том, как я сбил "месса" и что погибли Тихонов со стрелком Васильевым, замыкавшие группу.

- Они не погибли! - воскликнул я.- Они сели на воду рядом с баржей, я видел! Их спасли!..

Зачем я посеял надежду? Очень уж хотелось верить...

Над Керчью свинцовые тучи

В столовой по время ужина, после удачных боевых вылетов, когда не было потерь, ребята обычно шумно обменивались мнениями о событиях прошедшего дня, шутили. Особенно часто подтрунивали друг над другом Тамерлан Ишмухамедов и Григорий Шупик.

Григорий к Тамерлану:

- Тамерлан! На гимнастерке у тебя дырка для ордена, а где же орден?

- А... Не дали. За "непочтение" к начальству...

- Как это? Ордена дают за боевые дела... При чем здесь "непочтение"? Ты что-то путаешь, Тамерлан Каримович, - вступает в разговор Виктор Казаков.

- Расскажи, Тамерлан! - попросил замкомэска Тихон Александрович Кучеряба.

- Дело было 5 ноября прошлого года в районе Гизель под Орджоникидзе. При подходе к цели встретили нас заградительным огнем. Внизу - огромное скопление немецких танков и другой техники. Иду на цель, и вдруг рядом,. прямо возле самолета, разорвался зенитный снаряд: удар в лицо, выбиты зубы, чуть не потерял сознание, не могу говорить по

радио. Ну, думаю: помирать, так с музыкой,- пикирую на цель. Сбросил бомбы на танки и одновременно выпустил все эресы и нажал на гашетку. Кровь, заливает лицо, все же удалось развернуться и - к аэродрому. Чувствую, силы покидают, дышать трудно. Я выплевываю кровь. Как довел самолет до аэродрома, помню. Пошел с ходу на посадку, а как шасси коснулись земли... Ребята: рассказывали: самолет остановился в конце аэродрома, мотор работает. Подбежали ко мне, вытащили. Но я ничего этого уже не помнил, очнулся только в санчасти.

- Ну а при чем здесь все же "непочтение?" - спрашивает кто-то.

- Слушайте и не перебивайте! Попал я в наш армейский госпиталь. Там подружился с ребятами-истребителями. Захожу к ним как-то в палату. Все лицо у меня было забинтовано. А там в палате большой начальник из штаба армии. Беседуют они, и я стал прислушиваться. Ребята рассказывают о последних боях, как они были ранены. Вдруг начальник говорит, что они неправильно вели бой, не использовали полностью возможности своих машин и так далее. Ребята стушевались, сникли, а "начальство" вошло в раж и понесло... Мне было очень трудно разговаривать больно, но я не выдержал и рубанул: "Вы все умники здесь командовать, а почему сами не летаете?" Ну, и еще добавил... Меня увели из палаты. Потом и моему тогдашнему командиру полка досталось: что это, мол, у вас такие подчиненные...

А меня раньше представили к награждению орденом за успешные боевые вылеты и за тот, самый памятный, последний. Так вот, написал на наградном листе этот начальник: "Воздержаться, проявляет недисциплинированность".

- Вот так! Нельзя пренебрегать субординацией! - заметил Гриша Шупик.

- Ну, Тамерлан, ты, наверное, такое сказал, что действительно... Все громко рассмеялись.

Еще одна горькая весть: погиб командир эскадрильи истребителей Василий Петрович Шумов, наш дальневосточник, мастер воздушного боя. Он любил повторять: "Военных заповедей много, а главная, по-моему, одна: сам погибай, а товарища выручай". Именно так и поступил он в последнем бою.

Летчик из эскадрильи Шумова Алексей Никулин рассказывал:

- Шумов, Кулинич, Потанин и я прикрывали штурмовиков. Выполнили они задание, пошли домой. Мы - следом. А нам навстречу идут еще две группы "илов", прикрывают их две пары истребителей. Командует ими заместитель Шумова Кирилл Карабеза. "Илы" пошли в атаку, в это время на них напали "худые". Летчики Карабезы отбили все атаки, но немцы получили

подкрепление. Тогда Вася Шумов приказал мне и Кулиничу продолжать сопровождать нашу группу штурмовиков, а сам с Потаниным вернулся, чтобы помочь Кириллу. Жестокий был бой, Карабеза погиб. Наши сбили тоже трех "мессов". Шумова подбили, он, раненный, еле управлял машиной, тянул к Таманскому полуострову. "Худые" пытались его атаковать, но прикрывал Потанин. Все зря. Упал Шумов в море... Погибли в одном бою и комэск, и его заместитель, а мы, летчики, все живы остались.. Вот так Вася Шумов товарищей выручал...

А утром 7 декабря мы узнали, что десантники прорвали вражескую блокаду, прошли ночью от Эльтигена почти 20 километров и заняли на южной окраине Керчи гору Митридат.

В своей книге "От Кубанского плацдарма до Севастополя" Пиккерт пишет, что прорывавшиеся к Керчи десантники Эльтигена ночью разгромили зенитную батарею его дивизии, оказавшуюся на их пути к горе Митридат. И далее заключает о прорыве: "Нужно признать, что это была смелая операция противника". Теперь враг день и ночь атакует позиции на горе, а мы сбрасываем остаткам десанта боеприпасы и продовольствие, штурмуем противника. Потери у нас большие. Немцы встречают "илы" заградительным огнем крупнокалиберной зенитной артиллерии и счетверенных 20-миллиметровых установок "эрликонов".

8 декабря сбиты младший лейтенант Лебедев и воздушный стрелок Кравцов. Их самолет упал у подножия горы Митридат прямо на атакующих немцев.

Погиб младший лейтенант Мансур Зиянбаев. Его самолет был подбит зениткой, приводнился в Керченском проливе и пошел на дно вместе с летчиком. Во второй открытой кабине находился воздушный стрелок сержант Алясов. Его выбросил из морской пучины надувной жилет. На помощь бросились моряки, спасли, отогрели, и он возвратился в полк.

В тот же день не вернулся с боевого задания летчик Павел Широков, стрелком у которого был сержант Федор Хромченко.

Молодой парень из Перми Широков рассказывал нам, как он в предвоенные годы бредил авиацией. В то время улицы Перми пестрели плакатами: "Даешь 150000 пилотов!", "Сдал ли ты нормы на значок ПВХО?" С плакатов глядели мужественные лица летчиков и парашютистов.

Павел часто напевал задорную песенку курсантов аэроклуба:

Зальем бензин. Даешь контакт!
Все - на самолеты!
Крепче руль держи в руках,
Красные пилоты!

Широков воевал с 1941 года на ночном легком бомбардировщике По-2, был награжден орденом Красного Знамени. В нашем полку он переучивался летать на штурмовике и к этому времени имел уже пятнадцать боевых вылетов на

Ил-2.

Никто толком не мог доложить, что с ним случилось. Он был замыкающим в группе, наносившей удар по железнодорожной станции Керчь, куда немцы подбрасывали подкрепление. Вечером сообщили, что Широков посадил самолет прямо на улицу кубанской станицы, летчик ранен в голову, отправлен в госпиталь.

Стрелок Хромченко, возвратившись в полк, рассказал, что их самолет был подбит над целью зенитным огнем, поэтому они и отстали от группы. Немецкие истребители атаковали подбитую машину. Стрелок отражал их атаки, но один снаряд все же ударил в кабину, разорвался и ранил летчика. Прижав к воде Керченского пролива разбитую машину (приборная доска была разбита), превозмогая нестерпимую боль, Широков пошел дальше на бреющем полете. До своего аэродрома дотянуть не удалось. Мотор заклинило. С большим трудом летчик посадил машину и сразу же потерял сознание...

От прямого попадания зенитного снаряда 9 декабря на западном склоне Митридата погибли летчик лейтенант Макурин и стрелок сержант Столяров.

В тот же день был подбит зенитным огнем замкомэска Папка, произвел вынужденную посадку в районе завода имени Войкова. Его воздушный стрелок Паршиков был ранен в ногу. Они выбрались с "нейтралки" к своим под прикрытием огня пехотинцев и были доставлены на аэродром.

10 декабря началась эвакуация десантников с Митридата! Мало их осталось после сорока дней и ночей беспрерывных боев. Оставшиеся в живых герои Огненной земли оказались в Тамани.

В моем архиве находится фотокопия немецкого документа разведотдела 5-го армейского корпуса "О советском десанте в Эльтигене с 1.11.1943г., боях за плацдарм до его очищения от противника 11.12.1943 г."

На пятнадцати страницах изложен весь ход этой операции, где отдавалось должное мужеству наших десантников. В частности, там говорится:

"Десант на Эльтиген был тщательно подготовлен, но плохое взаимодействие сухопутных войск и морского флота уже в начале операции сказалось на ее проведении. Эти не предусмотренные заранее противником трудности затем изменили весь ход операции. С одной стороны, видно, что догматическое мышление

руководства не изменилось, а с другой стороны, наблюдалось возросшее боевое мастерство и настойчивость непосредственно участвовавших в операции. При проведении плана в жизнь не обращалось достаточного внимания на обеспеченность войск всем необходимым. В частности, не снабдили десантников спасательными жилетами, было недостаточное обеспечение их медицинской помощью, хотя даже в первой волне было 40 женщин-санитарок. Стойкость командиров всех степеней и поведение в бою рядовых даже в очень трудном для них положении значительно выросла. Наша пропаганда даже в период критического положения, плохого снабжения совершенно на них не действовала. Большевистская идеология является их убеждением и укрепляется дальше, особенно после больших успехов, достигнутых Красной Армией в этом году..." (Д. 03/26186, л. 263- 278).

Нам очень досаждали истребители противника с авиабазы Багерово.

28 декабря 1943 года силами всей 230-й штурмовой авиадивизии по ней был нанесен удар. Надо сказать, удачный. Об этом налете рассказывал мне в Германии после войны тогдашний начальник фашистской авиабазы. Бывший майор люфтваффе после "потрясающего", как он выразился, налета нашей авиации на базу был отстранен от командования и отдан под суд. В тот день там находилось много самолетов, в их числе десять "мессершмиттов" новейшей модификации с опытными летчиками противовоздушной обороны Берлина. Их предполагали использовать в качестве "зондерегер". (Для борьбы с нашими асами фашисты создавали особые пары "охотников", которые назывались "зондер-егер". Для этого отбирались самые опытные летчики-истребители. Им ставилась задача нападать только наверняка, из-за облаков, со стороны солнца).

Замысел операции по разгрому фашистской авиабазы Багерово возник у командира нашей 230-й Кубанской Краснознаменной штурмовой авиадивизии Героя Советского Союза С. Г. Гетмана.

Семен Григорьевич рассказывал, что, находясь на своем наблюдательном пункте на плацдарме под Керчью и анализируя действия немецких истребителей, замечал: те часто встречали наши группы штурмовиков уже над проливом. Получалось, что враг подслушивает радиопереговоры и, разгадав тактику, точно рассчитывает время подхода наших самолетов, связывает боем истребители прикрытия. А другие группы "мессершмиттов" атакуют "илы" во время их работы над целью.

Начальник штаба дивизии полковник Урюпин по

предложению командира разработал план операции. Она готовилась по согласованию с командующим 4-й воздушной армией генерал-полковником авиации К. А. Вершининым.

Все радиостанции на аэродромах, где размещались все пять полков дивизии, в условленное время начали на стоянках "радиоигру", то есть вели переговоры так, как обычно при подготовке к вылету. Затем поддерживался радиообмен словно в самом полете. В тот момент, когда штурмовики должны были появиться над аэродромом наших истребителей прикрытия, авиаторы также "разыграли" радиопереговоры. Потом эфир затих. Всем экипажам было категорически запрещено включать радиостанции. Наш командир полка проинструктировал весь летный состав части, принимавшей участие в этом вылете.

И вот через час после окончания радиоигры штурмовики пошли на взлет. Соблюдая радиомолчание, построились группами. Подошли к аэродрому истребителей прикрытия. Истребители также молча пристроились к "илам", заняли боевой порядок. На малой высоте полетели к Керченскому проливу, все время отклоняясь к северу: командованием было учтено направление ветра. Когда вышли к Азовскому морю, прижались к морской глади, на бреющем пошли на запад. Затем довернули на юг и только тогда взяли курс на вражескую авиабазу. Таким образом, нашим летчикам удалось обойти зону действия радарной установки, которая следила за воздушной обстановкой над Керченским полуостровом.

Атака на вражеский аэродром была действительно внезапной.

Получилось так, что немцы клюнули на голый крючок - радиообман. Когда заработало множество радиостанций авиадивизии штурмовиков, фашисты услышали радиопереговоры наших летчиков над своими аэродромами, над аэродромом истребителей прикрытия, с радиостанцией наведения. Поняли: готовится массированный налет.

Поднятые по тревоге истребители противника взяли курс на Керченский пролив, чтобы встретить штурмовиков на пути к цели. Подняли даже "зондер-егеров", на аэродроме остались лишь две пары дежурных.

Прошел час. Штурмовики не появлялись. Радарная установка, антенны которой были направлены на Керченский пролив, фиксировала только фашистские самолеты, хотя по расчетам должны уже были быть над целью "илы". Выработав топливо, "мессершмитты" стали возвращаться на аэродром в Багерово.

И тут со стороны Азовского моря на бреющем полете появились четыре советских истребителя и, сделав "горку", блокировали аэродром. За ними еще четыре. Зенитная

артиллерия обрушила на них огонь, но истребители вышли из зоны огня, набирая высоту, а вместо них стали заходить восьмерки штурмовиков. Вначале они пустили эресы, ударили из пушек и пулеметов, а затем, поднявшись выше, сбросили бомбы...

Горели самолеты, разбиты радиостанции, радарная установка, взорвался склад боеприпасов... Паника... Разгром!..

Из нашего полка на базу не возвратились летчик младший лейтенант Чепуренко и стрелок сержант Гаврукович. В другом самолете осколком зенитного снаряда убило стрелка Алясова. Того самого, которого двадцать дней назад вытолкнул из моря надувной жилет.

Трудно, нет, невозможно было представить наших товарищей погибшими. Как живые они стояли у нас перед глазами...

Мы часто восхищались действиями истребителей прикрытия. Они старались надежно прикрывать "илы" от атак "мессов".

..Нашу группу прикрывала четверка ЛАГГ-3 под командованием комэска капитана Владимира Истрашкина. "Илы" бомбили и штурмовали немцев на горе Митридат. Вдруг слышу по радио голос истребителя Сергея Сонюшкина:

- На западе "лапотники"! Их более тридцати. Идут бомбить наших!

- "Горбатые"! Сомкнуть строй! Идите домой! Мы атакуем бомбардировщиков. Серега, за мной! - отдает команды Истрашкин.

Штурмовики выходят из боя. Нас прикрывает пара истребителей, а Истрашкин с Сонюшкиным пошли в лобовую на всю стаю Ю-87. В этом бою они сбили один Ю-87 и одного "мессершмитта". Немцы сбросили бомбы вне цели.

Середина зимы. Наступило некоторое затишье. Полк перебазировался на площадку у станицы Джигинской - ближе к Керченскому проливу.

Командир полка вручил нам боевые награды. Ордена Славы III степени получили летчик Константин Атлеснов, воздушный стрелок Николай Петров и я.

Это был мой первый орден за сбитые "мессершмитты".

Редакция армейской газеты предложила мне написать для рубрики "Из опыта воздушного стрелка" статьи: "Осмотрительность в воздухе" и "Устранение задержек в пулемете".

А помощник командира полка по воздушно-стрелковой службе Тамерлан Ишмухамедов дотошно изучал опыт ведения воздушных боев. Подолгу расспрашивал летчиков, стрелков, какую новую тактику применял противник, как вели себя "илы" в той или иной ситуации. В его "полевой воздушной академии"

учились "без отрыва от производства".

Просматривая немецкие документы в архиве, я обращал внимание на потери немцев в воздушных боях в тот период. Так, на аэродроме Сарабуз находилась авиагруппа ночников 55-й бомбардировочнй эскадры. Они наносили удары по Тамани, косе Тузла, Еникале, Маяк, по десантам в Эльтигене и под Керчью. Потери их были невелики, так как летали ночью.

Но вот 25 ноября 1943 года немцы были вынуждены днем послать большую группу бомбардировщиков - 19 "Хе-111" - в район переправы через Керченский пролив. Сопровождали их 10 истребителей под командованием аса Бакгорна.

В донесении 55-й бомбардировочной эскадры указано, что их группа была атакована 20 русскими истребителями. Потери бомбардировщиков: 2 самолета сбиты, один произвел вынужденную посадку, один горел в воздухе - к дальнейшей эксплуатации непригоден, 9 самолетов были повреждены и требуют ремонта. Погибли 9 человек летного состава, в том числе командир эскадрильи. Больше эта группа днем не летала. Каковы были потери истребителей группы Бакгорна, там не указано, так как истребители базировались на другом аэродроме. Там велся свой учет.

ЧП полкового масштаба

10 января 1944 года Отдельная Приморская армия перешла в наступление на правом фланге вдоль побережья Азовского моря, чтобы комбинированными действиями с суши и высадкой десантов с моря прорвать оборону противника на севере Керченского полуострова, занять господствующие высоты в районе мыса Тархан.

Я полетел с Тамерланом Ишмухамедовым на мыс. На северном склоне высоты 164,5 десантники стреляли ракетами, указывая нам цель. Мы сделали несколько заходов, проштурмовали высоту и, израсходовав весь боезапас, улетели домой.

Входим на КП докладывать о результатах вылета, а командир полка чернее тучи:

- Тамерлан! Сообщили, что твоя группа нанесла удар по своим!

Мы, участвовавшие в налете, категорически заявили: нет! Все четко видели серию ракет в направлении противника.

И тут закрутилось. Из штаба воздушной армии выехала комиссия разбираться. Ишмухамедова от полетов отстранили.

Оказалось, наземные и авиационные начальники сами запутались и устроили неразбериху. Они, видите ли, не получили сведений, что немцы выбили наших десантников с вершины

высоты. Десантники же, увидев приближающиеся штурмовики, как и должно, дали залп ракет, и мы точно нанесли удар, куда нам указали.

После этого десантники снова овладели высотой, отбросив немцев на южный склон.

Вот до чего доводит отсутствие четкой связи!

Командир полка на разборе вечером еще раз предупредил о сложности обстановки на плацдарме и потребовал исключительного внимания.

11 января продолжались ожесточенные бои за укрепление правого фланга наших войск. Немцы бросили на плацдарм авиацию и танки. Мы отражали их атаки.

В дневнике боевых действий 17-й армии за 10 и 11 января 1944 года отмечено, что планировавшееся наступление 49-го горнострелкового корпуса на Перекопе и Сиваше сорвано из-за наступления русских под Керчью. В Крым прибыл командующий группой армий фельдмаршал фон Клейст, который приказал бросить в бой резервы. Зенитная артиллерия отражает мощные атаки советской авиации, особенно штурмовиков. Фюрер лично приказал, чтобы ночью части люфтваффе нанесли удар по плацдарму и переправе через Керченский пролив. Была нарушена связь между немецкими соединениями в частями.

Отмечаются сильные бои 11 января ночью. Командующий силами люфтваффе в Крыму подполковник Бауэр докладывает фельдмаршалу фон Клейсту, что он не имеет достаточных сил, особенно истребителей, для отражения атак советской авиации. Просит усилить его авиацию за счет переброски бомбардировщиков и истребителей с других участков фронта. Клейст разрешает взять часть сил с северного фронта (Перекоп - Сиваш) для переброски их под Керчь и сам улетает из Крыма. Положение, отмечено в дневнике, критическое.

11 января погибли летчик младший лейтенант Заливадный и воздушный стрелок ефрейтор Павлик. Они были сбиты зенитным огнем противника и упали на скопление немецких танков. Война отнимала друзей. Большинство из погибших сделали всего по нескольку вылетов, в среднем не более десяти.

Был у нас воздушный стрелок Иван Гудзь, 1915 года рождения. Серьезный, прижимистый, любил во всем порядок. Над ним часто подтрунивали:

- Иван, дай ножик!

- Куда ты дел свой? Не дам,- отвечал тот, поглаживая финку с наборным черенком.

14 января нас подняли рано, было еще темно. Когда одевались, Гудзь задумчиво сказал:

- Ребята, я видел во сне свою смерть. Сегодня меня убьют. Простите за все! Я не "жмот", просто люблю порядок. Петя,- обратился он к Гурьеву,тебе нравится мой нож. Возьми на память! Прошу, напишите моим родным...

Все замерли, только Саша Рогоза буркнул:

- Чепуху городишь.

В тот же день на первом боевом вылете самолет ведущего группы лейтенанта Тертычного с ведущим стрелком Гудзем врезался в зенитную батарею немцев. Это был их двадцать пятый, последний вылет...

21 января такая же участь постигла экипаж младшего лейтенанта Толчанова и стрелка Крыленко. Им было по 20 лет.

Однажды на аэродром сел По-2. Из него вылез человек и, опираясь на палочку, медленно пошел в сторону КП.

Стали всматриваться. Это был... Петр Откидач, летчик бывшего 446-го истребительного, считавшийся погибшим в воздушном бою на Донце.

- Откидач! - бросились к нему. - Петя! Живой!

Начались расспросы. Вот что рассказал Откидач.

Тогда, 21 мая 1942 года, он летел в замыкающем звене с Шумовым, Уфтюрским. Впереди были Истрашкин, Еремин, остальные - из 40-го полка. Атакой сверху "мессы" отвлекли внимание, и в это же время снизу вторая группа атаковала, его самолет. Подожгли, ранили в ноги и шею. "Ишачок" потерял управление, начал падать. Откидач резко двинул ручку от себя, его выбросило из кабины.

От страшной боли потерял сознание. Очнулся - надутый парашют волочит его по земле. Левая нога повернута назад. Ремня с пистолетом нет, видно, в воздухе оторвался, а немцы тут как тут, мчатся на мотоциклах. Только успел засыпать руками рядом в ямке партбилет и удостоверение личности.

Затем он рассказал, что немцы, оказав ему медицинскую помощь, понесли на носилках на допрос. Офицер, допрашивавший его через переводчика, допытывался, с каких аэродромов летали. Он отвечал: Ворошиловград, Варваровка. Эти аэродромы они знали - не было смысла скрывать. Очень боялся, чтобы немцы не узнали о Гречишкино. (На этом аэродроме соблюдалась хорошая маскировка, немцы бомбили нас только спустя месяц, как Откидач попал в плен. Это подтверждает, что он умел хранить тайну). Спрашивали его о Иване Пилипенко, тогда самом известном летчике Южного фронта, но он отвечал, что не слышал о таком: только, мол, прибыл на фронт.

Петр оказался в Славутском "гросслазарете-301". Здесь наши пленные врачи ампутировали ему ногу. Действовавшая в лагере

подпольная организация помогла освободиться из лагеря. В то время немцы еще иногда отпускали инвалидов, если их дом был на оккупированной ими территории. Добрался домой в Полтаву в октябре 1942 года. А тут открылась рана, пришлось перенести еще одну операцию. Связался с полтавскими подпольщиками. Помогал им в совершении диверсий. Тот же фронт и тот же враг. Тоже сражались, и тоже гибли.

В сентябре 1943 года, после освобождения Полтавы, Откидач явился в находившийся в городе штаб воздушной армии. Его принял начальник политотдела и после беседы направил в 4-ю воздушную, куда он и прибыл на транспортном самолете. Печальной вышла встреча Петра с боевыми друзьями-дальневосточниками. Многие его товарищи погибли. К нам, в 43-й гвардейский, он прилетел тоже навестить однополчан.

В дневнике боевых действий 17-й армии за 21 января отмечается, что на Керченском полуострове с 1 ноября 1943 по 19 января 1944 года немцы потеряли 19013 человек. Получаемое пополнение из Германии не восполняет потерь. Пока русские не освободили свои силы под Никополем, можно удерживать фронт на Перекопе - Сиваше. Крепость Севастополь для армии сердце Крыма. К счастью, русский Военно-Морской Флот действует слабо: русские берегут флот. Люфтваффе гораздо слабее русской авиации. Нужны истребители. Действуют партизаны. Командующий армией Енеке приказывает генералу Пиккерту использовать зенитную артиллерию также для отражения наземных атак русских. Енеке получает разрешение вылететь в группу армий, а оттуда в штаб сухопутных войск. Исполнять обязанности командующего армией приказано командиру 49-го горнострелкового корпуса генералу Конраду.

А за 24 января записано:

"Доложено в группу армий, что противник ворвался в северную часть Керчи. Резервы исчерпаны. Последние резервы из северной части Крыма подбрасываются сюда. Если 25.01 не поступит по воздуху в Багерово пополнение, можно считать, что наступит крах на Керченском фронте". (Последняя фраза в документе подчеркнута).

Командир 5-го армейского корпуса генерал Альмендингер докладывает, что резервы исчерпаны. Требует или помочь резервами, или дать разрешение на отход на запасные позиции. Он готовит отход тяжелого оружия на Керченский перешеек. Генералу Енеке в Германию направлено специальное донесение об обстановке. Атаки русских. Армия перебрасывает свои последние резервы под Керчь. Теперь все зависит от получения резервов. Сюда перебрасываются румынские войска, которые

были задействованы против партизан в районе Владиславовки. Ведутся переговоры о введении в бой сил СС, которые сражаются с партизанами. Генерал-лейтенант Дейхман ведет переговоры о действии новых сил люфтваффе. Штаб 1-го воздушного корпуса получает приказ: всеми силами сдерживать советскую авиацию.

Поздно вечером отдается приказ оборонять восточный фронт под Керчью на тех же позициях, создавая сильнейшие узлы сопротивления всеми имеющимися силами. Зенитная артиллерия подтягивается к переднему краю для стрельбы и по наземным целям. Из группы войск передается в Крым 73-я пехотная дивизия.

Таманская ранняя весна. Моросит отвратительный мелкий дождик. Ночь. На аэродроме пустынно, лишь изредка покашливают часовые. Но вот оглушительно взревели моторы. Это механики не спят, проверяют, готовят машины к вылету.

Утром штурман полка Коновалов поведет группу на выполнение двух задач: изучение нового района боевых действий и уничтожение противника в районе Катерлез (ныне село Войково Ленинского района).

Это было 2 марта 1944 года. Вот уже задача поставлена, летный состав разошелся по своим машинам. Заработали моторы, но на старт вырулили не все. Несколько самолетов застряли в непролазной грязи. Техники и мотористы облепили их, раскачивают, дружно орут "Раз, два... взяли!" и, что называется, на плечах вытаскивают их на старт. Тяжело, медленно отрываются "илы" на взлете.

Группа над целью. Противник ведет ураганный огонь. Коновалов подает команды спокойно, чаще шутливым тоном. В складке местности отчетливо видны батареи зенитной артиллерии. Знакомый голос произносит буднично: "Придется атаковать батареи слева. Приготовьтесь". Через несколько мгновений самолеты несутся на цель. Разрывы бомб заволакивают землю.

Зенитный огонь нарастает. Самолет командира эскадрильи Бахтина отрезан огнем от группы. Его заместитель Иван Гончаров не раздумывая

направляет самолет на изрыгающие смерть длинноствольные орудия, давит их и при выходе из атаки попадает под снаряды других батарей. Самолет медленно валится на крыло, входит в штопор и падает. Гончаров ценой свой жизни спас командира. С ним погиб воздушный стрелок Курдаев.

В оставшихся вещах Ивана Павловича Гончарова мы нашли письмо с надписью: "Вскрыть в случае моей гибели".

Вот строки из этого письма:

"Дорогая Тасенька! Я отдал жизнь за Родину, за счастье Вили и твое, за будущее моего народа... Целую тебя и обнимаю крепко-крепко. Поцелуй же за меня сыночка и успокой его. Пусть знает Вили, что его отец был гвардеец, летчик-штурмовик и погиб за него, за его счастье, за его будущее..."

Письмо прочитали во всех эскадрильях. Вскоре оно было напечатано и в нашей армейской газете "Крылья Советов". Вырезка из нее хранится у меня в архиве. И часто, перебирая пожелтевшие листки военных лет, я с горечью повторяю строки:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они - кто старше,
кто моложе
Остались там, и не о том жеречь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же, все же...
Все же...

* * *

В 1944 году советские войска на всех фронтах от Баренцева моря до Черного наносили удары по врагу, освобождая нашу землю от захватчиков. В газетах печатались приказы Верховного Главнокомандующего, посвященные этим событиям. Обычно эти приказы заканчивались словами: "Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!"

В полку много внимания уделялось наглядной агитации, выпускались боевые листки, о подвигах летчиков, воздушных стрелков рассказывали агитаторы. Оружейники, загружая "илы" бомбами, писали мелом на них: "За Васю Тихонова!", "За Виктора Чепуренко!", "За Ивана Гончарова!"...

Не помню, кому взбрело в голову оборудовать стенд "Вечная память героям!" с фамилиями погибших и вывесить его в общежитии. Гончаров был двадцатым, погибшим в боях за Керчь. Кто-то из ребят, обладавших кладбищенским юмором, написал цифры 21, 22, 23, а рядом поставил знак вопроса: дескать, кто следующий?

Соколов, узнав об этом, зло плюнул:

- Правильно говорят: "Заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет".

Затем вызвал своего замполита майора Воронцова и откровенно высказал ему, что думает о подобной "агитации" в авиации.

16 марта - опять тяжелый день. Погибли еще два наших экипажа: командир эскадрильи Агарков с воздушным стрелком Ткачевым и летчик Зотов со стрелком Багарашвили.

После ужина состоялось открытое партийно-комсомольское собрание. Парторг полка капитан Капцов предложил почтить память погибших боевых товарищей минутой молчания.

У многих на глазах слезы.

Полк перелетел ближе к Керченскому проливу, на аэродром возле хутора Трактовый. Теперь мы базируемся вместе с 7-м гвардейским, поддерживаем боевые действия наших войск на плацдарме восточнее Керчи.

В "Крыльях Советов" была напечатана передовая статья "Воспитание воздушного стрелка", в которой говорилось о роли воздушного стрелка в боях, о воспитании мастеров своего дела,, приводились примеры их доблести и отваги.

Отмечалось, что не везде обучению и воспитанию стрелков уделяется должное внимание. И далее:

"...Поучительным примером служит Н-часть. Здесь организована систематическая учеба воздушных стрелков. Флагманский воздушный стрелок гвардии старшина Литвин всегда анализирует тот или иной бой, пропагандирует опыт передовиков, проводит занятия со стрелками по таким вопросам, как осмотрительность в воздухе, ведение прицельного огня, устранение неисправностей пулемета в воздухе, взаимодействие с другими экипажами..."

Командир полка, прочитав статью, произнес:

- Теперь ты обязан еще лучше работать со стрелками. Кроме тебя и Петрова, сбили истребители противника Марченко, Бескровный, Мордовцев. Если так дело пойдет дальше, то придется наш полк именовать еще и истребительным,- шутя, под смех присутствующих, заключил Соколов.

Уставали люди, уставала и техника. Из боев "ильюшины" возвращаются иногда, что называется, на одном крыле. Казалось великим чудом, как они вообще могли долетать до аэродрома. В таких случаях механик Павел Федотов любовно говорил: "Они все могут".

Эта была обыкновенная ежедневная работа летчика и воздушного стрелка, сопряженная с опасностью для жизни, но она чем-то напоминала работу людей, поднимавшихся рано утром, чтобы идти на завод, шахту, фабрику, где нужно было работать с полным напряжением сил, где иногда создавалась очень непростая обстановка.

О смерти на фронте говорят мало, ибо это не редкость и люди свыкаются с мыслью о смерти.

В полк поступили новые противотанковые авиабомбы (ПТАБ). Вес одной бомбы - всего полтора килограмма. В основе секрета эффективности этой новинки было кумулятивное, то есть

направленное действие заряда.

- Мы знаем, что луч солнца, сфокусированный с помощью стеклянной линзы или зеркального рефлектора, легко прожигает лист бумаги. Вот и здесь струя раскаленных газов, сфокусированная внутренним рефлектором - специальной выточкой в заряде ПТАБ, прожигает броню танка,- растолковывал инженер по вооружению полка.- Действие этой бомбы можно сравнить с действием газосварочной горелки, которая своим пламенем режет толстые листы металла. Только струя раскаленных газов этой штучки много мощнее пламени газовых горелок...

В бомболюки Ил-2 можно грузить около двухсот таких бомб. Высыпаются они сразу и накрывают танки. Вероятность попадания в танк велика. Одной ПТАБ достаточно для "тигра". Да, это сила!

А в один из дней произошло ЧП.

Один летчик, замыкающий в группе, не долетев до цели, повернул обратно и сбросил бомбы в лиман.

На аэродроме он заявил, что отказала масло-система и поэтому пришлось возвратиться. Инженер полка лично проверил мотор, гонял его во всех режимах, после чего доложил командиру, что мотор исправный. Тогда командир полка сам сел в самолет, взлетел и опробовал мотор в воздухе.

Возмущению летчиков не было предела. Особенно разбушевался Костя Атлеснов, чехвостил труса последними словами.

Я помнил этого летчика по 446-му истребительному. В то время он не сделал еще ни одного боевого вылета, все время околачивался в резерве, что было несложно из-за нехватки самолетов. Оказавшись в 43-м гвардейском, он переучился на Ил-2, хорошо овладел техникой пилотирования, но, прибыв на фронт, не спешил занять место в боевом строю, ссылался то на болезни, то на неисправности матчасти. Но много экипажей погибло, и надо было вводить в боевые расчеты других летчиков.

Испытав двигатель в воздухе, командир явился на КП, обвел взглядом присутствующих. Установилась тишина, все ждали его решения.

Он повернулся к виновнику ЧП, жестко отрубил:

- В трибунал! В штрафбат! - и, помолчав, выдохнул:-Такого позора не помню!..

Вдруг стрелок Саша Паршиков вставляет:

- Товарищ командир! Прежде чем его отправлять в трибунал, позовем девушек полка - пусть они посмотрят на труса.

- Товарищ командир, товарищи! - взмолился провинившийся.-

Я выполню все. Поверьте в последний раз. Клянусь вам! - и бухнулся на колени.

Командир долго молчал, мы тоже стояли молча.

|- Хорошо! Полетишь на одноместном, замыкающим в группе будет Атлеснов. - И, повернувшись к Атлеснову, сказал: - Если этот... на цель не пойдет, приказываю расстрелять его из пушек. Спишем как боевую потерю. Пусть хоть его родителям легче будет - погиб, мол, в бою!

Группа вылетела на задание. Провинившийся летчик выполнил нормально боевое задание и в дальнейшем воевал хорошо.

На всех фронтах наши войска вели наступательные бои, а у нас наступило некоторое затишье. Приморская армия и флот готовились к полному освобождению Крыма. Готовился и наш полк.

С особым уважением однополчане относились к летчику Константину Атлеснову. Высокий, стройный блондин, прекрасный товарищ, грамотный летчик. В первые дни войны ночью он летал вторым пилотом на ТБ-3 бомбить нефтепромыслы Плоешти. Затем овладел штурмовиком, проявлял бесстрашие при штурмовках и в воздушных боях.

Он с гордостью показывал фото своего отца, бывшего солдата, полного Георгиевского кавалера. Иногда читал выдержки из писем старика. Несмотря на пенсионный возраст, Василий Павлович работал на заводе в Златоусте по двенадцать и больше часов в сутки. Гордился своим сыном офицером, кавалером солдатского ордена Славы, желал Косте и его боевым друзьям победы над врагом.

- Бить немцев так, как бьет их Константин Атлеснов,- часто говорил командир полка.

Костя был хороший рассказчик. Как сейчас вижу перед собой симпатичное лицо, слышу его голос. Он часто повторял: "Я чувствую самолет каждым своим нервом. Для меня он живой в небе, и жизнь его прочно связана с моей собственной..." Вспоминал о довоенной поездке с родителями в Крым на отдых, о море, которое ему потом снилось не раз.

Скоро, скоро мы будем в Крыму и он навсегда станет нашим, советским! Этот день приближают и те, кто борется на оккупированной крымской земле.

Изучая немецкие архивные документы 11-й армии, действовавшей в период нашей обороны, а также 17-й армии во время освобождения Крыма от захватчиков, я встречал очень много свидетельств сопротивления крымчан их оккупационной политике, а также героических действий наших воинов и

партизан.

Крымские партизаны действовали все время, несмотря на огромные трудности и жесточайший террор карательных отрядов немцев и предателей. Против партизан в Крыму немцы применяли и наши советские самолеты, оказавшиеся в их руках. Как они к ним попали? Я уже приводил пример с летчиком Бабайловым, а случались и другие подобные вынужденные посадки. На войне как на войне - всякое бывало.

Пользуясь случаем, приведу лишь несколько свидетельств о действиях партизан в Крыму. (Фашисты называли их бандами, бандитами. Здесь немецкая логика, их стремление к педантичности, в том числе и в определениях, явно отсутствуют).

Донесение от 9 декабря 1943 года:

"Охрану населенного пункта Бакаташ нес взвод силою 34 человек. Их вооружение: 1 противотанковая пушка, 4 пулемета, 23 карабина, 4 автомата и 10 пистолетов. Боеприпасов было достаточно... Партизаны пришли с юго-восточного направления, затем прошли по низине между Старым Крымом и Бакаташ и, таким образом, зашли в тыл охранению. Бой продолжался в течение одного часа... Днем не было видно никаких признаков. Даже ночью перед нападением ничего не было заметно... После нападения они снова ушли в юго-восточном направлении. Наши потери: 2 человека убиты, 6 - ранены".

Доклад о борьбе с партизанами в районе 5-го армейского корпуса за февраль 1944 года:

"В связи с недостатком продовольствия положение бандитов в каменоломнях Багерово и Старый Карантин ухудшилось, и они уменьшили свою деятельность. В районе Старого Крыма основная масса бандитов возвратилась в свои старые лагеря, и теперь вновь они активизировались... В катакомбах Старого Карантина находится полковник Нестеров - командир 335-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии...".

Затем перечисляются населенные пункты, где действовали партизаны и подпольщики.

Из доклада отделения контрразведки, которое обслуживало 5-й армейский корпус за период с 1 по 30 марта 1944 года:

"...В марте действия банд усилились: они разрушили ж.-д. путь на участке Ички - Владиславовка, взорвали водонапорную башню на ст. Сарыголь (Феодосия) и в Коктебеле - локомобиль на электростанции...

На Старый Крым было организовано нападение силами приблизительно 300 бандитов. Ими было освобождено 40 заключенных из тюрьмы, из которых 30 человек были арестованы 312-м отделом фельджандармерии. Среди освобожденных были

очень важные агенты из советского радиоцентра..."

Из дневника боевых действий 17-й армии 3 марта 1944 года:

"...Из месячного доклада о борьбе с партизанами видно, что их деятельность немного ослабла. Их действия сейчас концентрируются в районе между Симферополем и Севастополем. Проведено 13 боев с ними. Убито 93 партизана. Наши потери: 101 человек убитыми и 111 человек ранеными..."

1 - 2 марта 1944 года:

"Командующий 17-й армии инспектирует ход строительства оборонительных сооружений под Севастополем. Там же обсуждает с командующим ВМС на Черном море вице-адмиралом Брикманом план операции "Глиссер" (план эвакуации из Крыма). По воздуху в Крым перебрасывается 111-я пехотная дивизия. Приказано создать для нее тыловые части и службы. Получено подкрепление для разведывательных частей люфтваффе... Командующий обсуждал с командующим румынскими войсками вопросы усиления борьбы с партизанами..."

Севастополь - наш!

Наконец 8 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта, занимавшие подступы к северному Крыму, перешли в наступление. Взяв штурмом Перекоп и прорвав вражескую оборону, устремились в центральную часть полуострова.

С рубежей, где несколько месяцев велись затяжные, тяжелые бои, передовые отряды Отдельной Приморской армии также двинулись в наступление, и к утру 11 апреля Керчь была освобождена. Враг отступал.

Нашему полку поставлена задача уничтожить на станции Салын железнодорожные эшелоны, на которые грузятся отступающие.

Группу самолетов повел Виктор Казаков. Она настигла уходящий эшелон, удачно сбросила бомбы и проштурмовала его. Горели вагоны, разбегались солдаты, но их настигали хлесткие очереди пушек и пулеметов. Истребители прикрытия тоже не упускают возможности - стреляют по фашистам. Враг бежит! Я такого не видел за всю войну!

При выходе из атаки (я летел с командиром полка) в голове колонны немцев заметил счетверенную установку "эрликонов", стрелявшую по нашим самолетам, и всадил в нее добрую очередь из своего крупнокалиберного. Огонь тут же прекратился.

Возвратились на аэродром. Летчики побежали на КП, а воздушные стрелки стали помогать оружейникам готовить самолеты к новому вылету.

Через полчаса снова - на взлет! Проскочили над Керчью. Дороги забиты разрушенной, горящей техникой противника.

Зенитки не стреляют, немецких истребителей нет. Проносимся над фашистскими войсками: сбрасываем осколочные бомбы, пускаем эресы, стреляем из бортового оружия. Мы, воздушные стрелки, тоже стреляем по наземным целям.

Возвращаемся на бреющем. Нам машут руками солдаты, подбрасывают вверх головные уборы. Летчики покачивают крыльями, приветствуя наступающих. За день мы сделали несколько боевых вылетов.

Главное теперь - не дать противнику оторваться от наших войск и скрыться в Севастополе, закрепиться там.

На следующий день - 12 апреля продолжаем наносить удары по отступающему противнику. В конце дня - тяжелая потеря: погиб бесстрашшый экипаж - летчик Атлеснов и воздушный стрелок Рогоза.

- Мы штурмовали противника,- рассказывал воздушный стрелок Паршиков.Зенитки не стреляли. Вдруг вижу - самолет Атлеснова перевернулся, упал кабиной вниз. Наверное, шальная пуля досталась ему, самолет летел очень низко.

Механик их самолета Федор Моисеенко неприкаянно бродил по пустой стоянке. Ребята с болью смотрели на него. А он все ходил и ходил, опустив голову, переставлял ящики с места на место, прислушивался, смотрел в небо...

В боях за Керчь только наш 43-й гвардейский штурмовой авиаполк потерял 30 летчиков и воздушных стрелков. Большие потери были и в других авиаполках дивизии.

13 апреля 1944 года линия фронта проходила уже далеко за Феодосией.

Группа комэска Евгения Ежова летела вдоль дороги в правом пеленге. Вдали показалась пыль - это шли автомашины удиравшего противника. Ежов, зная, что неподалеку наши танки, решил остановить колонну.

Ударами двух самолетов была разрушена дорога впереди колонны. Создалась пробка. Теперь цель стала довольно компактной. Развернувшись, группа нанесла штурмовой удар с бреющего полета. В это время вторая группа, возглавляемая Тихоном Кучерябой, в ранее указанном районе противника не обнаружила - там двигались наши части.

Развернувшись, летчики пошли на юг и вскоре увидели машины вражеских арьергардных частей. Сбросив бомбы на зенитные батареи, прикрывавшие отход гитлеровцев, группа ударила по основной колонне.

Отходивший по горным дорогам, вдоль побережья, враг подвергался ударам авиации, партизан и военных моряков. Авиации приходилось действовать с аэродромов Тамани,

дальность действия самолетов с каждым часом увеличивалась.

Немецкие истребители не появляются. Полное господство нашей авиации, поэтому и истребители тоже штурмуют бегущих немцев.

А вот свидетельства самих немцев об их бегстве к Севастополю.

Из дневника боевых действий 5-го армейского корпуса:

"11.04.1944 г. В связи с прорывом на Сивашском фронте приказано оставить Керченский полуостров. Видя взрывы, разрушения, которые проводят наши команды, противник перешел в наступление с задачей: не допустить занятие немецкими войсками перешейка. После обеда партизаны перехватили дорогу Старый Крым - Салы. Бои с ними продолжались остаток дня и ночью. Советская авиация атакует дороги, бьет по Владиславовке, Феодосии, Старому Крыму. Разведотдел корпуса не может работать. Отходим к Севастополю..."

"12.04.1944 г. Противник вместе с партизанами, спустившимися с гор, перехватил дорогу на Севастополь через Симферополь. Сильное воздействие советской авиации..."

"14.04.1944 г. Осталась единственная дорога вдоль южного берега Крыма в Севастополь. Русские танки в Салы. Командный пункт корпуса перенесен в Судак. Авиация противника беспрерывно бомбит и штурмует, не дает возможности; для посадки отступающих на самоходные баржи. В 21.00 последовал приказ отходить на Алушту. В это же время штабная колонна корпуса была обстреляна с гор оружейным и пулеметным огнем. Русские танки пошли по побережью от Феодосии и объединились с партизанами в Судаке..."

"15.04.1944 г. К середине дня достигли Ялты. Русские бомбардировщики и штурмовики атакуют колонны корпуса, порт, корабли... К нашему счастью, туман прикрыл наш отход..."

Вечером 13 апреля мы узнали о гибели исполнявшего обязанности командира 979-го истребительного полка майора А. О. Хвостова. В его эскадрильи 446-го истребительного я был оружейником. Склонив головы, слушали мы рассказ о боевом вылете своего товарища, ставшего для него последним.

В четырнадцать часов Андрей Олимпиевич вылетел во главе четверки. С ним были Истрашкин, Рубцов, Сонюшкин. Под крыльями самолетов подвешены по две 50-килограммовые фугасные и осколочные бомбы. Шли на высоте полутора тысяч метров. Слева осталась Феодосия. При подходе к Судаку увидели отступавших немцев. Они сгрудились у переправы через небольшую горную речку за поселком. Два моста были разбиты

ранее штурмовиками. Горело несколько автомашин, цистерна с горючим. Черно-серый дым теснился в низине, зажатой двумя горными кряжами. Противник медленно двигался в объезд по виноградникам: автомашины, орудия, повозки.

Хвостов скомандовал в атаку, ведомый Иван Рубцов последовал за командиром. Удар был точным: бомбы рвались в гуще врагов. Вдруг ударили "эрликоны". Рубцов заметил, как самолет Хвостова круто полез вверх, потом свалился на левое крыло и начал падать.

"Прощайте! За Родину!" - услышали товарищи по радио прерывистый голос командира. Истребитель устремился на переправу. Взрыв и столб пламени поднялся высоко над землей. Александр Олимпиевич Хвостов повторил подвиг Гастелло...

Перебазироваться бы в Крым, но противник привел аэродромы в негодность или минировал их.

К 20 апреля он занял подготовленные позиции под Севастополем и перешел к обороне. Советским же войскам необходимо было подтянуть тылы, перегруппировать войска для штурма Севастополя.

Немцы построили многополосные оборонительные сооружения, опиравшиеся на цепи гор: Мекензиевы, Сапун-гора, Сахарная головка, Федюхины высоты и множество больших и малых возвышенностей, полукольцом опоясавших город. На этих высотах в незабываемые месяцы обороны Севастополя в 1941 - 1942 годах сражались воины Красной Армии и моряки Черноморского флота.

Фашисты еще более усилили в инженерном отношении все линии обороны под Севастополем и до предела насытили их огневыми средствами. Сапун-гора была превращена в крепость, заминированную и усиленную железобетонными сооружениями. В отвесных уступах в несколько ярусов шли доты с тяжелыми орудиями и множеством пулеметов, а вся гора снизу доверху опоясывалась линиями траншей, минными и проволочными заграждениями.

Наш полк перелетел на аэродром Тумай, севернее Симферополя.

Весна в разгаре, светит яркое крымское солнце, буйно цветут травы. Летный состав изучает расположения укреплений противника под Севастополем, а техники занимаются подготовкой материальной части.

После небольшой передышки снова ежедневно, по нескольку раз, вылеты. Штурмовики, ведомые опытными командирами Коноваловым, Алексеевым, Ежовым, Папкой, Кучерябой, наносят удары по врагу.

Группу "илов" ведет командир полка Соколов. Я нахожусь во второй кабине. Под нами горы, дальше виднеется море, покрытый дымкой Севастополь кажется целым. Но вот возникает темная гряда Мекензиевых гор, изрытых траншеями, покрытых бетонной цепью дотов. Двести пятьдесят дней и ночей держали севастопольцы свой город. Три штурма, сотни тысяч снарядов и мин, десятки тысяч авиабомб бросал на город с его защитниками враг, предпринимал сотни атак. Но севастопольцы - стояли.

Сейчас нашей группе удалось удачно сбросить бомбы, совершить три захода на вражеские артиллерийские позиции и без потерь возвратиться на аэродром.

Командир 9-й зенитной дивизии люфтваффе генерал-лейтенант Пиккерт в своей книге пишет, что командование 17-й немецкой армии понимало: в сложившейся обстановке удержать Севастополь невозможно. Поэтому 28 апреля командующий армией генерал-полковник Енеке вылетел в ставку Гитлера. В Севастополь он не вернулся. 2 мая командующим 17-й армией в Крыму был назначен бывший командир 5-го армейского корпуса генерал от инфантерии Альмендингер.

Был отозван из Севастополя и командир 49-го горнострелкового корпуса генерал Конрад. Поступил приказ Гитлера от 3 мая: удерживать Севастополь до последней возможности. По состоянию на 3 мая, по данным Пиккерта, в Севастополе оставалось еще 70 тысяч немцев.

Далее он приводит сведения по своей дивизии на 24 апреля 1944 года:

"Несмотря на большие потери в личном составе и в орудиях при отступлении от Керчи и Перекопа, в дивизии насчитывалось по прибытии в Севастополь 18 батарей зенитной артиллерии крупного калибра, 18 батарей орудий среднего калибра (37 мм), не считая "эрликонов". "Личного состава в дивизии: 250 офицеров, 7400 рядовых и унтер-офицеров".

Кроме этих зенитных средств, противник имел еще большое количество их и в пехотных дивизиях. На двух аэродромах базировалось до 150 истребителей "Ме-109" и "ФВ-190".

Страшно летать под обстрелом зениток. Когда "мессер" или "фоккер" хочет атаковать тебя, ты знаешь, где он, чувствуешь его, ждешь. А зенитные снаряды видишь только после разрывов и не знаешь, где разорвется очередной.

Однажды из штаба нашей дивизии позвонили на КП полка и сообщили командиру полка: "Ваша группа штурмовиков произвела только один штурмовой заход на позиции противника, не дав возможности поэтому продвинуться вперед, нашим пехотинцам".

А от штурмовиков в это время требовалась непосредственная поддержка пехоты. Разъяренный командир полка потребовал объяснений от командира группы капитана Шкребы.

Тот отвечал, что в это время над его группой проходила выше группа наших бомбардировщиков, которые, как ему показалось, заходили на ту же цель, и он побоялся, что "илы" попадут под их бомбы. Остальные летчики и воздушные стрелки молчали.

Соколов обратился к начальнику штаба полка:

- Передайте в штаб дивизии - я поведу эту группу сам!

Через полчаса группа под его командованием взяла курс на Севастополь. На этот раз летчики сделали семь заходов на цель. Я наблюдал за воздухом, но это не мешало мне видеть разрывы бомб, эресов среди вражеских оружий, а также взрыв склада боеприпасов. Только решительные требования командира нашей дивизии С. Г. Гетмана заставили Соколова дать команду выходить из боя. Туда подходила уже другая группа.

Наступило утро 7 мая 1944 года. Весь личный состав полка построен, зачитан приказ о штурме Севастополя. Затем состоялся краткий митинг.

Лечу на боевое задание в самолете командира группы - штурмана полка Коновалова, опытного, требовательного, прекрасно знающего дело, в чем неоднократно убеждались все летавшие с ним. Я сам напросился лететь с ним вместо его заболевшего стрелка.

Мы должны нанести удар по артиллерийским позициям немцев юго-западнее Сапун-горы, откуда велся огонь по нашим войскам, изготовившимся к штурму. Экипажи занимают места в самолетах. Бежит начштаба Сериков с ракетницей. Ракета. Взлет. Собираемся в группу, берем курс на Севастополь. Через несколько минут проходим над аэродромом, с которого взлетают истребители и пристраиваются к нам. Из разговора по радио узнаем знакомых летчиков. Вот "зависает" над нашим "илом" истребитель, по номеру узнаю комэска Истрашкина. Слышу также голоса Татарникова, Рубцова.

С других направлений на Севастополь идут группы бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей. Еще какие-то группы самолетов возвращаются с боевого задания.

Впервые наблюдаю одновременно в воздухе такое количество наших самолетов. Ведут их уже, в основном, закаленные в боях летчики.

Мысленно прослеживаю путь, пройденный нашим полком. Мы пережили трудное время. Вспоминаю погибших товарищей. И приходит на ум притча: немецкий генерал докладывает прусскому королю: "Экселенц! Русского солдата мало только

убить, его надо еще и повалить. Ведь он и убитый продолжает стоять!"

Погибли многие. Но мы выстояли. И должны как можно скорее очистить нашу землю от врагов.

Накануне получил письмо из дому, от сестры. Она пишет, что пришлось пережить нашим людям в оккупированном Харькове, где погибли трое моих школьных товарищей: их повесили фашисты на глазах жителей рабочего поселка - для устрашения. За смерть товарищей, за горе родных и близких мы обязаны мстить.

Подходим к Севастополю. Город в дыму пожарищ. Видим очертания береговой линии, бухты. Вдали слева мыс Херсонес. Там находится последний аэродром немцев, где базируются их истребители.

Вылетая на боевые задания в район Севастополя, наши экипажи штурмовиков отмечают все усиливающуюся зенитную оборону противника. Действия его истребительной авиации затруднены из-за нашего превосходства в воздухе, но, завязав бой в благоприятных для них условиях, он атакует "илы" с яростью обреченных.

Командир группы Коновалов докладывает по радио на КП генералу Гетману о готовности группы:

- Я "Стрела-3"! Уточните цель!

- "Стрела-3"! Из района северо-западнее Балаклавы ведут огонь фашистские батареи. Заставьте их замолчать, они мешают атакующим войскам!

Я посмотрел на землю. Под нами - Сапун-гора, покрытая взрывами. Там, внизу, на штурм ключевой позиции к Севастополю идут наши войска. Наша группа еще до подхода к Сапун-горе начала противозенитный маневр. Взрывы зенитных снарядов со всех сторон.

Коновалов маневрирует, умело подсказывает летчикам. Все плотнее зенитный огонь, но мы упорно продвигаемся к цели.

Выглядываю вперед и вижу на земле сполохи фашистских зенитных батарей. Впереди виднеется Балаклава. Северо-западнее Балаклавы- артиллерийские батареи противника, те самые, что бьют по нашим атакующим частям.

"Илы" снижаются, бьют из пушек, затем пускают зресы. Беспрерывно маневрируя, подходим к цели, пикируем - и бомбы летят на батареи. Две батареи подавлены. Вот еще на одну батарею бросает бомбы летчик А. Т. Лебедев. Вижу удачные попадания. Батареи замолкают.

Штурмовики выискивают цели, ведут огонь из пушек и пулеметов. Потом делаем второй заход. Хотя в воздухе наше

полное господство и нас старательно прикрывают истребители, я внимательно слежу, за обстановкой. ...Вот уходят от Севастополя группы штурмовиков и истребителей, Со стороны солнца, с большим превышением над ними, появились две точки. Немцы? Наши? Но зачем нашим забираться на такую высоту? Точки разрастаются, и я уже могу различить, что действительно это истребители. Смотрю внимательней: даже через свето-фильтровые очки солнце бьет в глаза. Истребители перестраиваются и пикируют на нашу группу. Сомнений нет: это "фокке-вульфы". Я уже видел их в воздухе, но вести с ними бой пока не приходилось.

У этого самолета мощное вооружение: две пушки (20 мм), 2 пулемета (13 мм). Включаю переговорное устройство, кричу: "Фоккеры! Маневр!" Но Коновалов включил передатчик, командует штурмовиками группы и поэтому не слышит меня. Такая радиотехника... Я включаю световую сигнализацию: на приборной доске летчика мигает красный свет - предупреждение об опасности. Коновалов не реагирует.

А в это время "фокке-вульфы" берут наш самолет в "клещи". У меня один выход - уничтожить истребитель, который атакует первым, находится ближе к нашему самолету, а затем перенести огонь на второй.

Стремлюсь взять в прицел истребитель. Ничего не выходит! Немец атакует под большим углом, вертикальный угол обстрела моего пулемета не позволяет стрелять по нему.

Я мгновенно сбрасываю сиденье, становлюсь коленями на пол кабины, доворачиваю пулемет вверх. Теперь истребитель противника попадает в прицел. Но огня не открываю умышленно. Решаю подпустить поближе, надеясь, что противник не поймет мои действия. Истребитель все ближе и ближе... 800 метров, 600, 400... Тщательно прицеливаюсь и выпускаю длинную очередь, огненная трасса упирается в самолет противника, тот не успевает открыть ответный огонь, вспыхивает и, объятый пламенем, несется на наш "ил". У меня мороз по спине: "фоккер" хочет таранить нас?! Но Коновалов, услышав мою очередь, резко рванул самолет вправо, и горящий "фокке-вульф" пронесся рядом.

Это необычное зрелище на несколько мгновений отвлекло мое внимание, что едва не стоило нам жизни. В это время второй "фокке-вульф" приблизился к нам справа и дал очередь. Стеганула очередь, снаряд попал в антенну, осколки угодили в кабину, но они задели на мне только шлемофон.

Я рванул пулемет влево и увидел в каких-то ста метрах выходящий из атаки "фокке-вульф", окрашенный в желтый цвет, закопченный, с черными крестами. Он уходил вверх. Я нажал

гашетку пулемета и стрелял, пока тот не отказал. Меня вытягивало из кабины, прижав к пулемету. Понял, что мы сбиты, самолет падает. Все!.. Но сознание не хочет с этим мириться. В мозгу проносятся, как убыстренные кинокадры, картины жизни, и меня охватывает чувство страха. Нет!.. Делаю сверхъестественное усилие, хватаюсь обеими руками за турель. Выглядываю из кабины, далеко ли земля.

Но вот нагрузка спадает. "Ил" переходит в горизонтальный полет. Вижу: хвостовое оперение разбито, в фюзеляже две пробоины. Земля совсем рядом. Повернулся к кабине летчика: тот сидит согнувшись, но самолет пилотирует. Мотор работает, мне кажется, нормально. Коновалов оборачивается. Я вижу его окровавленное лицо. Брызги крови попадают на стекло фонаря кабины. Он показывает мне большой палец, что означает - самочувствие хорошее, машина в порядке.

Опять бросаюсь к пулемету. Оказывается, задержка: разрыв гильзы. Устраняю задержку и продолжаю смотреть за воздухом. "Ил" несется низко над землей в сторону моря, к Балаклаве. Других самолетов группы не видно. Затем Коновалов поворачивает на север, прижимается к гряде гор.

И тут я заметил два "мессершмитта", идущих со стороны мыса Херсонес, вдоль южного берега. Не нам ли вдогонку?

В это время мы увидели, что к нам подходят два "яка" (как потом оказалось, из соседней истребительной дивизии). Но "яки" еще далеко, а "мессершмитты" уже перестраиваются для атаки. Я открыл упреждающий огонь по первому "мессеру". Тот прекратил атаку и начал набирать высоту, но тут же был настигнут "яком" и сбит. Второй "мессершмитт" отвернул в сторону и исчез.

Коновалов, увидев "мессершмитты", пытался маневрировать, но не смог: машина слушалась плохо, и вскоре мы оказались в ущелье. Положение... Справа и слева горы, впереди также гора. Развернуться невозможно, к тому же самолет подбит.

Коновалов проявляет редкое мастерство пилотирования: на подбитом "иле", с минимально возможной скоростью набирает высоту и переваливает буквально в нескольких метрах через вершину горы. Затем разворачивается влево и берет курс на север.

А над нами все время, как бы подбадривая, барражирует пара "яков". Они сопровождают нас до Симферополя и только потом уходят на свой аэродром. Мимо нас пролетают группы самолетов в направлении Севастополя.

Коновалов ведет самолет на самом выгодном режиме, бережет горючее. Плавно снижаясь, летим в направлении нашего аэродрома.

Наконец ровное, покрытое зеленью поле, землянка командного пункта, радиостанция, на стоянках самолеты. У КП толпятся люди, видно машину с красным крестом.

Коновалов выпускает шасси и идет на посадку, но не садится, уходит на второй круг. Я вижу запрет посадки: левая часть знака "Т" завернута - левое колесо не вышло. Коновалов заходит снова и знаками подает мне команду покинуть самолет с парашютом, но я не решаюсь, мне еще не приходилось прыгать с парашютом.

Коновалов показывает, что будет сажать самолет на одно колесо. Вот и земля. Цепляюсь в борта кабины: как бы не получился "оверкиль". А самолет, пробежав, клонится влево все больше и больше, задевает консолью крыла за землю и разворачивается на 180 градусов. Всего-то!

Я выскакиваю из кабины и бросаюсь к летчику. Коновалов устало отбрасывается к бронеспинке. Смотрит на меня и улыбается:

- Вот гады! Чуть не оставили Юрку и Вальку сиротами!

Юрка и Валька - это дети Коновалова, о которых он часто рассказывает. Все летчики полка знают об их ребячьих шалостях.

К нам подкатила "санитарка", чтоб отвезти Коновалова в санчасть, но он отказался. Ранение Коновалова оказалось неопасным, но потеря крови сказывалась, он был очень слаб. Ему здесь же оказали помощь. На стартере подъехал командир полка. Коновалов доложил, что группа задание выполнила. Батареи противника подавлены. Был атакован истребителями, сбит один "фокке-вульф".

Выслушав доклад, командир улыбнулся. Затем в обычной для него шутливой манере спросил:

- А что вы там еще натворили? Пришел запрос указать ваши фамилии!

Мы переглянулись, а Соколов сказал:

- Ваш бой наблюдали многие. Командование дивизии приказало представить вас к награде.

За этот бой я был награжден вторым орденом Славы.

К вечеру 7 мая Сапун-гора была взята нашими войсками.

Во время ее штурма прямым попаданием зенитного снаряда был сбит самолет лейтенанта Самаринского, стрелком у которого был сержант Гурьев, мой земляк - харьковчанин. Летчики и стрелки, которые видели это, сообщили, что кто-то из них выбросился с парашютом, но приземлился, в расположении вражеских позиций.

Наши войска очистили от врага северную сторону Северной бухты. На левом фланге решительным штурмом была взята сильно укрепленная гора Кая-Баш, один из узлов немецкой

обороны к юго-востоку от Севастополя. Спешно подбрасывая сюда резервы, фашисты пытались отбить гору, но наши части отразили все атаки и, развивая наступление, заняли поселок Джаншиев и хутор Шестая верста. Именно теперь-то и развернулось самое-самое...

8 мая погиб истребитель прикрытия младший лейтенант Семен Люльев. Он был ведомым у Ивана Рубцова, отличного летчика. Вражеские истребители пытались напасть на нашу группу "илов", но были отогнаны. Осколком зенитного снаряда ранило Люльева.

- Выходи из боя! - по радио приказал ему Рубцов.

Но Семен ответил:

- Чувствую себя хорошо. Буду драться...

И дрался. Смело, яростно. Бой закончился победой: сбит "ФВ-190". При возвращении на аэродром Люльев, видимо, потерял сознание - и погиб.

Иван Рубцов, вцепившись пальцами в выгоревшие на солнце волосы, что пшеничной копной торчали у него на голове, сидел возле самолета, скрипел зубами и плакал. Белорусу Семену Люльеву был всего двадцать один год, и он был лучшим другом Рубцова.

Во второй половине дня 9 мая начался штурм Севастополя. При поддержке авиации войска ринулись на последние вражеские укрепления. Весь горизонт затянуло дымом и пылью от разрывов.

Остатки вражеских войск пытались оказать сопротивление на рубеже старого Турецкого вала, который проходил по высотам от Стрелецкой

бухты на юг, старались обеспечить себе эвакуацию.

Большое скопление фашистов наша авиация обнаружила на берегу бухты Казачья. Группа "илов", возглавляемая лейтенантом Шупиком, подошла к цели. Зенитчики открыли ураганный огонь. Орудия стояли на открытом месте не замаскированные. Лейтенанты Кравченко и Козаков с ходу пошли в атаку на батареи противника и своими бомбами заставили орудия замолчать. В это время остальные самолеты, замкнув круг над целью, штурмовали пытавшихся уйти в море. Другие группы штурмовиков сосредоточили югонь на катерах юго-восточнее мыса Херсонес. В большинстве своем плавсредства были потоплены.

9 мая 1944 года Севастополь был очищен от фашистской нечисти, но враг еще держался в районе бухт Камышовой, Казачьей и на мысе Херсонес.

Помню вылет 10 мая на уничтожение противника, занятого погрузкой на корабли в Камышовой бухте.

Я летел с Коноваловым, он вел группу. При подходе к цели

перед нашими самолетами встала стена заградительного огня. Коновалов по радио приказал всей группе сбросить бомбы с высоты 800 метров. В порту и вокруг скопилось огромное количество техники и живой силы, так что едва ли не каждая бомба достигала цели. Через несколько секунд небо здесь превратилось в кромешный ад и побагровело от вспышек зенитного огня.

Сам же Коновалов отвернул в сторону - имитация, будто наш самолет подбит, а затем развернулся обратно и сбросил бомбы. Самолет подбросило вверх - под нами внизу взорвался склад боеприпасов.

Группа возвратилась на аэродром без потерь. А на следующий день снова вылет, и снова с Коноваловым, на мыс Фиолент. Здесь мы штурмовали пехоту. Немцы вели огонь по нам со всех видов оружия, были попадания в самолет. Я тоже беспрерывно стрелял из пулемета.

Помню и такие вылеты, когда противник почти не стрелял.

Фашисты, совершившие столько зверств на крымской земле, пытались на подручных средствах, на плотах и лодках удрать в море в надежде, что их подберут свои.

И вот последний вылет. Вдали от берега виднелся пароход, который, очевидно, отчалил ночью. Когда наша группа приблизилась к кораблю, мы увидели необычную картину: находившиеся на палубах люди махали нам белыми платками, простынями.

Самолеты встали в круг. Командир группы Тамерлан Ишмухамедов приказал не бомбить, передал по радио на КП о создавшейся обстановке.

- Судно не бомбить! Но и не давать ему уходить на запад. Сейчас подойдут наши торпедные катера, - ответили с КП.

А через несколько минут дополнили:

- Капитан парохода радировал, что они сдаются в плен. Возвращайтесь на аэродром!

Мы видели, как к судну подошли торпедные катера, после чего пароход развернулся и пошел обратно в Севастополь.

Пришлось нам бомбы сбросить в пучину Черного моря. Впервые за всю войну мы возвратились после боевого вылета, не сделав ни единого выстрела.

Война в Крыму закончена!

Наступили дни передышки. Летчики поехали на места боев, посмотреть на результаты своей работы.

А вот свидетельства и самих немцев об этих боях.

В книге "От Кубанского плацдарма до Севастополя" генерал Пиккерт пишет о потерях его 9-й зенитной дивизии:

"...382 убитых, 1026 раненых и 3949 пропавших без вести, то есть свыше 50% личного состава было потеряно с начала боев за крепость - показатель ожесточенности боев, ...157 погибших, раненых и пропавших без вести офицеров".

И дальше:

"Чтобы описать эти последние бои в Севастополе, в нашем распоряжении находится доклад бывшего начальника штаба 17-й армии генерал-майора Риттера фон Ксиландера, погибшего затем в феврале 1945 года..."

Привожу выдержки из этого доклада:

"...5 мая началась активная боевая деятельность противника с применением такого количества техники, что все, до того времени пережитое, не идет ни в какое сравнение.

...Из обещанного мы получили пополнение: 2 маршевых батальона (всего 1300 человек, 15 тяжелых противотанковых пушек, 10 мортир, 4 тяжелые полевые гаубицы, несколько пехотных орудий и минометов), что не покрывало даже частично постоянно растущие потери.

Направление главного удара русских на участке вызвышенностей позиции "В" - Бельбек на севере, 400 орудий, большое количество реактивных установок, тяжелых реактивных снарядов, минометов - все это грохотало в течение 48 часов, а затем пошла в наступление 2-я гвардейская армия русских...

Утром 7 мая северный фронт был очень ослаблен и имел в резерве всего 2 роты. Но этим же утром 7 мая противник начал наступление против 5-го армейского корпуса на участке от моря до Сапун-горы. Количество техники было еще выше, а применение русской авиации было потрясающим... Защитники позиций были умерщвлены прямо в их окопах и до середины дня вся позиция прорвана, кроме участка 186-го полка, но скоро и он был обойден с севера. Резервы (5 батальонов) таяли, как масло на солнце.

Положение во второй половине дня: на берегу потеряны тяжелые батареи. Хутор Карань занят противником. Затем прорыв до высоты с ветряком седловина, которую удерживает 186-й пехотный полк. Танки противника здесь не прошли, на Сапун-горе незначительные боевые группы остатков 111-й пехотной дивизии. Через "серпантины" вдоль дороги на Ялту противник прошел и через развилку дорог у Думски. Положение тяжелейшее, и нет ни одной роты в резерве.

Положение 17-й армии: или на следующий день наблюдать прорыв противника в Севастополь или снова создавать резервы за счет ликвидации северного фронта...

Утром 8 мая противник начал сильную артиллерийскую

подготовку и применил множества штурмовой авиации. В южной части противник отбросил 73-ю пехотную дивизию. Но фронт здесь не был прорван. Один командир полка и командир саперного батальона этой дивизии погибли. Противник прошел через Сапун-гору и занял Николаевку, винсовхоз "Николаевка", английское кладбище.

Мы все еще не имели приказа об оставлении Крыма и не имели кораблей. Штаб армии принимает решение вести борьбу дальше и захватить снова Сапун-гору. Мы должны поставить на эту последнюю карту все, т. к. знаем, что в случае неудачи мы не сможем отвести остатки армии на позиции Херсонеса. Поэтому принимаем решение: снятые ночью части 50-й и 336-й пехотных дивизий с южного берега Северной бухты бросить в направлении Сапун-горы.

9 мая в 2.15 армия получает приказ: "Фюрер разрешил оставить Крым". В развитие этого приказа принимается решение продолжать сопротивление южнее высоты с ветряком и позиций у Николаевки, т. е. речь идет о выигрыше времени. Ведь на 3 мая в Севастополе находилось еще 70 000 человек.

В течение 9 мая возникла критическая ситуация: 73-я пехотная дивизия отброшена, сопротивление на южном участке разрознено. Севернее контратакуют: полковник Беетц (бывший комендант Севастополя, а теперь командир 50-й пехотной дивизии), а восточнее его части генерала Гагемана, но их силы иссякают.

98-я пехотная дивизия, которая оставила позиции у Инкермана, прорывается с востока. Во второй половине дня принимается решение: занять последние позиции у Херсонеса. Многие группы пехоты, артиллерии, зенитные батареи оказывают сопротивление противнику.

Остатки северных дивизий (50-я и 336-я пехотные дивизии) ведут бои с переправившимися через Северную бухту частями противника. Потери при этом значительные, командир дивизии Гагеман тяжело ранен, три командира полка убиты.

Город и гавани Севастополя оставлены.

На позиции Херсонеса вел бои 49-й горнострелковый корпус и отдельные батальоны 1-й румынской горнострелковой дивизии. Все отходящие и прорывавшиеся группы на этой позиции формировались в боевые группы.

Противник пытается прорвать позиции этой же ночью. При помощи всех средств воздействия удается позиции удерживать.

Артиллерия русских показывает свое превосходство. Мы имеем еще 120 артиллерийских стволов на позиции. Авиация и артиллерия противника подвергают разрушению последний

аэродром на Херсонесе. На летном поле 100 воронок, но вечером взлетают наши последние 13 истребителей в направлении Румынии.

С прибытием первых морских переправочных средств появляется возможность переправить морем штабы армии, 5-го армейского корпуса и последние штабы румын. Командующий армией и я оставались при 49-м горнострелковом корпусе, который имеет приказ отходить последним. Два корабля, которые способны погрузить 9000 человек, прибыли утром 10 мая и стоят на рейде. Корабли находятся вне прикрытия нашей зенитной артиллерии, грузят 3000 человек и уходят в направлении Констанцы, но их настигает авиация противника и топит. Прикрытие с воздуха нашими истребителями отсутствует.

10 мая продолжается отражение атак противника. Солдаты продолжают сражаться. Потери растут на всем неприкрытом пространстве среди боевых подразделений и среди раненых.

Армия имеет намерение, если удастся, ночью с 10 на 11 мая погрузиться на корабли. Количество сражающихся на последней позиции составляет еще 30 000 человек.

Командование военно-морского флота обещает, что ночью с 11 на 12 мая будет подано достаточное количество перевозочных средств для остатков армии. Предусматриваются порядок подачи плавсредств к местам погрузки, а также места сосредоточения войск.

В течение дня 11 мая удается довести приказы до всех подразделений, несмотря на частые перерывы в связи. В 20 часов начался уничтожающий огневой налет противника со всех стволов по тылам и местам погрузки. Через некоторое время огонь был перенесен на передний край позиции и началось наступление на широком фронте, но атаки были отбиты. Тяжелые огневые налеты и атаки продолжались весь день 12 мая. Места сосредоточения для погрузки были прикрыты полукругом. И, наконец, начался последний день драмы.

Флот для эвакуации находится на рейде, но огневое воздействие противника нарушило организованную связь морского командования. Из командного пункта морского командования не удается подавать суда к месту погрузки.

Поздно вечером прибывает командующий флотом, чтобы личным вмешательством оказать влияние: подать суда к местам погрузки. В темноте это удается только частично, и части войск ждут напрасно. Отдельные командиры барж, которые обычно брали по 250 человек, погружали до 700 человек. Вывоз людей в дальнейшем также можно было осуществить, если бы был порядок.

Теперь же свыше 10000 человек находились в местах погрузки и напрасно ждали корабли.

Ужасно тяжелый исход. Следующей ночью прорывались скоростные катера, которые подбирали в море тех, кто ушел на подручных средствах..."

Таково вынужденное признание противника о штурме нашими войсками Севастополя. Начальник штаба 17-й немецкой армии старается приукрасить действия командования: показать порядок и организованность немцев и в такой критической обстановке.

Немецкие документы свидетельствуют, что командующий группой армий "Южная Украина" Шернер обвинил командование флотом в бездеятельности и трусости. Начато было расследование. Были допрошены свидетели панического бегства из Крыма. Адмирал К. Дениц - главнокомандующий ВМС Германии не согласился с этим и наградил рыцарскими крестами командующего ВМС на Черном море вице-адмирала Брикмана и морского коменданта Крыма контрадмирала Шульца, назвав их в своем приказе "организаторами эвакуации бойцов за Крым".

Командующий 17-й армией генерал Альмендингер в телеграмме на имя Шернера пишет о "возмущении и горечи, которые охватили каждого солдата 17-й армии, узнавшего такую новость".

В докладе вице-адмирала Брикмана от 23 мая 1944 года "Окончательный доклад об эвакуации крепости Севастополь" указано, что при этой операции немцы потеряли 11 военных кораблей и 35 судов торгового флота. И затем следуют слова:

"...В последние дни эвакуации нас атаковали беспрерывно советские бомбардировщики, штурмовики, истребители, торпедоносцы. Они безнаказанно наносили удары по нашим караванам... У меня сложилось впечатление, что моральное состояние войск оказывать сопротивление противнику, который ввел такие силы, было недостаточным..."

Да, действительно, трудно было непрошеным грабителям вести борьбу с нашими войсками, с партизанами, но еще труднее им было выбираться из Крыма. И хотя какой-то части войск противника удалось вырваться, враг здесь был разгромлен.

Об этом рассказывал нам и очевидец, оказавшийся в эти дни среди немцев в Севастополе,- Петр Иванович Гурьев.

В расположении нашего полка он появился неожиданно. Он летел с лейтенантом Самаринским. Их самолет был сбит зенитным огнем противника 7 мая во время штурма Сапун-горы.

Он рассказал, что, находясь в самолете, внимательно наблюдал за воздушной обстановкой. Вдруг сильный взрыв

выбросил его из кабины самолета, падая, он дернул кольцо парашюта и, едва приземлившись, сразу же попал в лапы фашистов.

Немцы потащили Гурьева по ходам сообщения внутрь своей обороны. Грохот артиллерии, взрывы авиабомб, стрельба, большое количество наших самолетов в воздухе, вокруг много убитых и раненых, искаженные от страха лица врагов. Немцы буквально шарахались от него, услышав, что он летчик-штурмовик.

Наконец его притащили на КП 5-го армейского корпуса, где он предстал перед группой немецких офицеров, а затем и генералов. Его даже не обыскали: при нем остались солдатская книжка и медаль "За отвагу". Куда девалась немецкая аккуратность?

Немецкий генерал через переводчика задаж вопрос:

- Какую задачу имеют ваши войска здесь, под Севастополем?

Гурьев ответил:

- Задача одна: как можно быстрее очистить нашу землю от захватчиков!

Затем задавали вопросы о том, что он знает об открытии второго фронта нашими союзниками в Европе.

Гурьев ответил, что он не знает, когда будет открыт второй фронт, но Германия проиграла войну еще 22 июня 1941 года, когда напала на Россию.

Ночью его перевезли в штаб 17-й армии, на мыс Херсонес.

Здесь тоже задавали подобные вопросы, и он ответил:

- Вы задаете мне такие вопросы, на которые может ответить только наш командующий. А поскольку вам из Крыма не уйти, то вы имеете такую возможность...

Гурьев говорил нам, что терять ему, как говорится, было нечего, знал, что фашисты его все равно расстреляют. Поэтому он так и отвечал врагу. Но немцы, видно, понимая, что их ждет, потеряли спесь. Мы верили своему товарищу, так как знали его характер: он всегда говорил правду любому в глаза.

На Херсонесском аэродроме, куда доставили Гурьева, находились еще несколько пленных летчиков, спасшихся на парашютах. Немцы собирались вывезти их на самолетах в Германию.

Наша авиация периодически наносила бомбовые и штурмовые удары по аэродрому. Тем истребителям противника, которым удавалось взлететь, приходилось вступать в бой с нашими истребителями. Их сбивали на виду у всех, и это деморализующе действовало на немцев.

Это была агония обреченных. На аэродроме были

бетонированные убежища. Здесь скопилось много раненых летчиков, обслуживающего персонала и высших офицеров, которые стремились скорее выбраться в Румынию.

Особенно сильное впечатление произвело событие: на аэродром с ходу на посадку пошли шесть немецких транспортных самолетов "Ю-52". Не успели они зарулить в капониры, как налетели "илы" нашего полка. Все шесть "Ю-52" были подожжены, убитых и раненых немцев добавилось.

Голос Гурьева дрогнул:

- И надо же: никто из наших пленных не пострадал! Как будто видели нас! А я смотрю и вижу: там Саша Паршиков с Папкой, там Витя Марченко с Вадимом Курманиным, Ежов, Кравченко, Ишмухамедов... Немцы меня в укрытие тянут, а я стою, думаю: лучше погибну от своих, чем плен!

Вторая волна наших машин завершила дело. Когда последняя уцелевшая от разгрома группа немецких истребителей улетела и аэродром прекратил свое существование, пленных перевели в лагерь, что размещался на месте каких-то бывших мастерских...

Затем он рассказал, что в лагере были в основном гражданские лица, согнанные в Севастополь. Их должны были отправить в Германию. К Пете подошел мальчик и стал расспрашивать, с какого аэродрома он летал на Севастополь. А когда тот ответил, что с Тумая, сообщил, что он тоже оттуда. Оказалось, что это сын той женщины, с которой мы беседовали в первый день посадки в Крыму. Она плакала и показывала фотографию своего сына, которого немцы вместе с другими угнали перед приходом наших войск.

Мальчишка предложил Гурьеву спрятаться в трубу, которую он приметил на территории лагеря. Расчет был прост: немцы грузили людей на корабли ночью, соблюдая светомаскировку, а поэтому обыскивать все закоулки не станут. Так и получилось: ночью погрузили людей на пароход, а утром наши солдаты ворвались на территорию лагеря. В суматохе боя Гурьев мальчишку потерял.

Командир полка предложил Гурьеву сходить в деревню и рассказать матери, что ее сын жив, скоро они встретятся.

Воздушный стрелок Паршиков ходил вместе с Гурьевым. После он рассказывал, что мать не поверила этой истории, плакала, спрашивала: "Если это правда, то где же он?"

Прошло несколько дней, а мальчишки не было. Тут уже мы начали сомневаться в правдивости этой истории. Гурьева направили на спецпроверку при отделе контрразведки 4-й воздушной армии.

Относительно плена.

В то время мы были воспитаны в духе, что плен - это позор. Плен несовместим с присягой, воинским долгом и честью. Знали и требование Устава внутренней службы: "Ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить воина Красной Армии сдаться в плен".

Известны были нам и слова Сталина, что у нас нет пленных, а есть предатели. Однако реальная действительность показывает, что во время любой войны бывают пленные с обеих воюющих сторон.

Другое дело - добровольная сдача врагу. Это предательство, а наказание предателям может быть только одно: позорная смерть и презрение.

В нашем полку дело обстояло так. Возвратившиеся после выполнения боевого задания члены экипажей докладывали на КП, что сделали и что видели. Если наш самолет вынужденно садился на занятую противником территорию, обычно докладывали: "Видел: такой-то был сбит, упал там-то". Знали, что такая судьба может постигнуть каждого из нас.

Мы верили, что наши боевые друзья, если это в их силах, будут и на земле отбиваться до последнего патрона.

Я слышал, как Соколов говорил старшему лейтенанту, уполномоченному СМЕРШ:

- Кто может поверить, что наш Петя Гурьев двадцать пять лет был украинцем, а за пять дней плена стал немцем? Чепуха!

Гурьев через пару дней возвратился из штаба армии в полк, а мальчишки все не было. И вот дней через десять на аэродром приходит мать со своим сыном. У мальчика забинтована голова. Увидев Гурьева, просиял и бросился ему на шею.

Рассказал, что побежал вместе с солдатами, которые наступали, оказывал им помощь и сам был ранен в голову. Его забрали в госпиталь, подлечили, а затем уже на попутных машинах доставили в село...

Мальчик просил командира взять его в полк.

- Рано тебе воевать. Помогай матери. Скоро откроют школу. Учись хорошо, тогда станешь летчиком. Призовут в армию - просись в авиацию! сказал командир.

В боях за Севастополь мы потеряли трех человек: заместителя комэска капитана Шкребу с его стрелком сержантом Замай и летчика Самарского.

Вспоминая эти бои, хотелось бы подчеркнуть, что авиационное наступление здесь было организовано исключительно умело, удары были хорошо спланированы, выполнялись четко и эффективно.

- Все расписано, как по нотам: кому, когда, сколько времени

быть над целью! - восхищались летчики.

Сюда была стянута авиация двух воздушных армий. Интервалы между группами сохранялись незначительные. Только одна отштурмуется, за ней уже вторая.

И так целый день.

Управление в целом нашими войсками под: Севастополем было чрезвычайно четким и эффективным, что признает и противник.

Крымская операция 1944 года свидетельствовала о возрастающей мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота. Она вошла в историю как одна из самых успешных, искусных по воинскому мастерству.

За ратные подвиги двум полкам нашей дивизии - 7-му гвардейскому и 210-му было присвоено наименование "Севастопольские".

Полки дивизии готовились к перелету на 2-й Белорусский фронт. Нам предстояли новые бои вплоть до окончательной победы.

Вместо послесловия

Время летит стремительно, многое уходит в прошлое, но в памяти человечества остаются боль, горе тех лет. Страницы истории, написанные кровью и слезами миллионов сражавшихся за свободу и независимость Родины, перечитываются вновь и вновь.

Испокон веков живет в ветеранах потребность - рассказать потомкам о прожитом и пережитом, передать им крупицы своего опыта, приобщить к боевым традициям, предостеречь от ошибок и промахов, чтобы память о тех, кто навсегда остался на полях сражений, не погибла.

Каждый год 9 мая, в День Победы, мы собираемся в Москве на нашу традиционную встречу. На одной из таких встреч было принято решение поставить памятник друзьям-однополчанам в Керчи, ибо за весь период войны нигде так долго не сражалась 230-я Кубанская штурмовая авиационная Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени дивизия. Бои здесь были очень тяжелыми, кровопролитными. Мы штурмовали артиллерийские позиции и скопления вражеских танков, поддерживали десантников Эльтигена, сражались в небе Керчи. В боях погибли наши товарищи, молодые, красивые.

На открытии памятника 9 мая 1968 года бывший командир дивизии генерал-майор С. Г. Гетман вложил в нишу две капсулы: со списком погибших летчиков и с завещанием людям 2000 года. Из многих городов страны ветераны и родственники погибших привезли с собой землю и высыпали ее к корням платанов,

посаженных рядом.

На двух плитах, закрывающих нишу в южной стенке,- надписи: "Памятник сооружен на средства ветеранов Великой Отечественной войны, семей погибших и благодарных граждан г. Керчи"; "Воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени дивизии, павшим в боях за Родину в 1941 - 1945 гг. Товарищи по оружию". И стихи:

Ваш грозный строй летит в века,
Сердца волнуя вечным зовом.
Крыло к крылу, к руке - рука
В военном воздухе суровом.

Такова символическая братская могила без малого тысячи воздушных бойцов дивизии, павших на воздушных дорогах войны Украины, Северного Кавказа, Крыма - до самого Берлина.

Основанием памятника служит возвышенная площадка, на северной стороне которой выступает пятиконечная звезда. На нее опираются пять стилизованных крыльев самолета. Их пять, по числу полков, входивших в 230-ю дивизию:

7-й гвардейский штурмовой авиационный ордена Ленина Краснознаменный полк;

43-й гвардейский штурмовой авиационный Волковысский Краснознаменный полк;

103-й штурмовой авиационный Гродненский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени полк;

210-й штурмовой авиационный Севастопольский Краснознаменный ордена Кутузова 3-й степени полк;

979-й истребительный авиационный Волковысский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени полк.

Нет, наверное, ни одного фронтовика, который бы не сказал доброго слова о штурмовиках, ибо Ил-2 был незаменимым самолетом авиационной поддержки наземных войск. "Работали" эти самолеты-солдаты без перерывов из-за непогоды или из-за неполадок. От первого и до последнего дня войны они были воздушным тараном для взламывания вражеской обороны, истребителями танков, достойными помощниками наземных войск.

Война - это ежедневная, без выходных, тяжелая работа. Смерть неизбежный спутник войны. В душе каждого воина искрилась надежда, что она его минует. Он верил в победу. Верил, что эта война будет последней в жизни человечества. И погибал во имя веры. Будем же достойны памяти стоявших насмерть.